

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

*Пойте Богу нашему, пойте,
пойте Царю нашему, пойте. Яко
Царь вся земли Бог, пойте разумно
(Пс. 46, 7, 8)*

Во имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа — Святая Православная Христианская Церковь ежедневно совершает в храмах Божиих вечерние, утренние и дневные Богослужения, по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *Вечер и завтра, и полудне повем и возвещу (буду умолять и вопиять), и услышит (Господь) глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трех Богослужений слагается в свою очередь из трех частей: *Вечернее Богослужение* — оно состоит из Девятого часа, Вечерни и Повечерия; *утреннее* — из Полунощницы, Утрени и Первого часа; *дневное* — из Третьего часа, Шестого часа и Божественной литургии.

Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного Богослужений Церковных образуются девять служб: Девятый час, Вечерня, Повечерие, Полунощница, Утренья, Первый час, Третий час, Шестой час и Божественная литургия, подобно тому, как, по учению святого Дионисия Ареопагита, из трех чинов Ангельских образуются девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

1. Вечернее Богослужение

Когда наши чувства становятся умереннее, страсти слабее, помыслы естественнее? Когда вся душа наша оказывается способнее воспринять должное духовное настроение? Согласно правильному порядку жизни, — вечером, в те часы, когда человек готовится возлечь на одр (постель), временную гробницу свою, желает предаться сну — истинному образу смерти. Церковь в эти торжественные часы приглашает нас к молитве и поучению (размышлению), старается дать весьма важный урок, чтобы мы не только в бодрственном состоянии, но и в сонном безмолвии просвещались зрением судеб Божиих.

Вечер и в открытом храме природы есть одно из тех поразительных явлений, которые сами собой способны привести душу к тихому умилению (сокрушению сердечному, сожалению о грехах) и молитвенному расположению. Церковь Господа Иисуса Христа придала еще большее знаменование (значение) трогательному явлению природы, сообщила ему характер священный, установив свое *Богослужение вечернее*, и каждый день возвещая приближение вечера звоном

колокола, по звуку которого собравшиеся в храм Божий слушают *Девятый час*, собственно *Вечерню и Повечерие*.

А. Девятый час

Девятый час, соответствующий нашему третьему часу по полудни (после полудня), ознаменован в последнем дне земной жизни Спасителя моментом Его Крестной смерти.

Примечание редактора. Настоящий текст печатается по книге: «Е. И. Смысл и значение православно-христианского ежедневного Богослужения». Изд. 4-е, Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1904.

В данном случае орфография текста изменена применительно к современной практике, заменены некоторые грамматические архаизмы, приведены смысловые и иные уточнения, трудные для понимания слова и словосочетания снабжены пояснениями на современном русском языке, исправлены ошибки. Текст печатается с незначительными сокращениями.

Совершая Девятый час, Святая Церковь описывает в нем последнее великое мгновение, когда всё совершилось в деле искупления нашего, и когда Искупитель рода человеческого, *преклонив главу, предал дух Свой Богу Отцу* (Ин. 19, 30; Мф. 27, 50; Мк. 15, 37; Лк. 23, 46); поэтому в Богослужении Девятого часа собраны такие псалмы и молитвы, которые все ведут и приклоняют нас к самому подножию Креста Господня.

Первую половину Девятого часа составляют псалмы 83-й, 84-й и 85-й.

В первом из них изображаются блаженные, возлюбленные селения (селение — здесь: жилище, храм, местопребывание) Господа Сил — пламенное стремление благочестивой души, полагающей *восхождения в сердце своем* (у которой (души) в сердце стези направлены к Господу), и желание войти во дворы Господни, дабы вечно обитать там со Спасителем, положившим за нас жизнь Свою, и — самое блаженство обитающих в доме Божием.

Да поразмыслит христианин о том, что лучшее для него восхождение духовное разве не есть восхождение на Голгофу? Здесь-то *приметатися* (лежать, быть у порога) в *дому Бога* — Спасителя да *изволяет он паче, неже жити* (лучше, нежели жить) в *селениях грешников*. Здесь, возвысив себя духом, христианин, с чувством любви и благодарности к Искупителю своему, прочитает и следующие два псалма Девятого часа.

84-й Псалом преобразовательно возвещает об искуплении рода человеческого, совершенном Крестной смертью Господа Иисуса Христа: *Благоволил еси, Господи, землю Твою* (умилосердился к земле Твоей)... *оставил* (простил) *еси беззакония людей Твоих, покрыл еси вся грехи их...* *Господь Бог речет мир на люди Своя...* *Милость и истина сретостяся* (встретятся), *правда и мир облобызастяся* (облобызуются), то есть — там, где за всех принесена Великая Жертва умилостивления и примирения.

85-й Псалом заключает в себе моление об усвоении нам силы Крестной смерти Сына Божия, о спасении нас, на Него уповающих; здесь же находится указание на сошествие Спасителя во ад и оттуда восшествие к Отцу Небесному. *Приклони, Господи, ухо Твое, и услыши мя, яко нищ и убог есмь аз. Возвесели душу раба Твоего, яко к Тебе взях душу мою. Нещь подобен Тебе в бозех* (между богами), *Господи, и нещь по делом Твоим* (и нет дел, как Твои). *Яко милость Твоя велия на мне* (велика ко мне), *и избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго*. Как всё это спасительно и прилично говорить христианину, стоящему перед Крестом своего Спасителя и Господа!

Во второй половине Девятого часа находятся моления и прошения к Распятому Господу — в тропарях и молитвах его. Особенно выразительно то моление, тот тропарь, который поется Великим постом: «Иже в девятый час нас ради плотию смерть вкусивый (познавший, испытавший), умертви плоти наша мудрование, Христе Боже, и спаси нас!» Здесь прямо указывается час смерти Искупителя и испрашивается умерщвление плотского нашего мудрования (плотских помышлений, желаний, чувств).

В стихе «Видя разбойник Начальника жизни на Кресте висяща ...», читаемом также Великим постом, представлены сильные слова благоразумного разбойника на кресте; а в стихе «Посреде двою разбойнику мерило праведное (весы справедливые, весы правды) обретяся Крест Твой: овому убо (одному, следовательно) низводиму во ад тяготою хуления (тяжестью богохульства), другому же легчашуся (получившему облегчение) от прегрешений к познанию Богословия...» — какое глубокое учение о Кресте и как оно превосходно выражено!

Но и кроме Великого поста, во всякое другое время обращаемся мы к Искупителю, на Кресте

за нас страдавшему: «Иже нас ради роди́йся от Девы и распятие претерпев Благий... не презри, яже создал еси (не пренебрегай теми, которых создал) рукою Твоею... яви человеколюбие Твое, Милостиве... Не предаждь нас до конца, имене Твоего ради... не разори (не нарушай) завета Твоего, и не отстави (не удали, не отдали) милости Твоея от нас...».

После песни, приличной дню, или кондака, мы опять обращаемся к Спасителю, во-первых, с молитвой, сообразной всякому времени: «Иже на всякое время и на всякий час на Небеси и на земли покланяемый и славимый Христе Боже...»!

А затем — с такой молитвой святого Василия Великого, которая вся, можно сказать, и составлена, и произносится при подножии Креста Господня: «Владыко, Господи Иисусе Христе Боже наш, до нынешняго часа приведый нас, в оньже (в который) на Животворящем Древе вися, благоразумному разбойнику Иже (Ты, т. е. Господь) в рай путесотворил еси (здесь: приготовил) вход! Очисти нас грешных... пощади нас по множеству милости Твоея... изми нас из руки сопротивнаго...»!

Особенно же, как во всей этой молитве выражено глубокое чувство покаяния, так в следующих ее словах изложено прошение помощи от Господа на самое важнейшее дело христианское, — «...да ветхаго отложивше человека, в новаго облечемся: и Тебе поживем нашему Владыце и Благодетелю, и тако Твоим последующе повелением, в вечный покой достигнем, идеже (где) есть всех веселящихся жилище...».

Вот содержание и смысл Девятого богослужебного часа. Когда будете читать его дома или слушать в церкви, рассуждайте внимательно о том, как Господь и Спаситель наш, желая спасти род человеческий, на Кресте воззвал: *Жажду!* и как тогда оцтом (оцет — винный уксус) и желчью (желчь — очень горький напиток), напоен был, как предал Пресвятую душу Свою в руки Бога, Отца Своего, и как — вследствие этого — потряслись все основания земли, камни распались, мертвые восстали от гробов, и как один от воинов пронзил копием ребра Ему, и *абие изыде* (и тотчас потекли) *кровь и вода*.

Рассуждая об этих и других страданиях Господа, благоговейно, в сокрушении сердца, а если можно и со слезами, — усердно совершайте молитвы Девятого часа (Учительное известие в Служебнике).

Если же по какой-либо уважительной причине не случится вам прочесть или выслушать Девятый час, то, вспоминая с благоговением Спасительные страдания и Крестную смерть Господа нашего Иисуса Христа, сотворите вместо Девятого часа 50 молитв Иисусовых: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!» и положите 7 поклонов (см. это правило в конце Следованной Псалтири).

Б. Вечерня

Ничто не может быть для нас естественнее в вечернюю пору, как — благодарить Бога за Его благодетельный Промысл, хранивший нас в продолжение мимошедшего дня, — просить у Него прощения о грехах, которыми мы оскорбляли Его благодать с утра до вечера, — прославлять преимущественно те дела Божий, о которых напоминает нам наступивший день церковный, — наконец, просить Бога о святом препровождении вечера и приводить себе на память вечер нашей жизни.

Богослужение Вечерни, которая, по церковному исчислению времени, должна оканчивать один день и начинать следующий, всё приспособлено к такому назначению; и потому в нем мы то благодарим Виновника и Промыслителя нашей жизни, — то изливаем чувства покаяния во всегдашних грехах наших, — то молимся о святом провозведении времени, а более того — славим и тех святых, о которых напоминает нам следующий день.

В первой части Вечерни Псалом предначинательный — 103-й призывает нас благодарить Господа, Творца и Промыслителя, утвердившего землю на тверди (твердь — видимое пространство небес) ее, покрывающего водами превыспренняя Своя (в русск. Псалтири — устрояешь над водами Горние чертоги Твои), напаяющего и зверей сельных, т. е. полевых, произращающего траву скотом, и всё премудростию и благостию устроившего.

В следующей за тем ектении, называемой великой, мы молимся о благах духовных и телесных, о всех людях и особенно — о священных благодетелях наших, о пастырях Церкви и о покровителе ее — Государе *. В этой ектении Святая Церковь прежде всего приглашает нас молиться миром, т. е. в мире совести, без чего не примет от нас Бог никакой жертвы (Мф. 5, 23, 24), затем указывает нам на необходимость *свышняго мира*, т. е. благодатного мира с Богом; затем уже мы просим мира и всему миру и благостояния (твердого, прочного стояния) Церквей Божиих. Всё это моление оканчиваем преданием себя Христу Богу, с воспоминанием Пресвятой Матери Господней и всех святых, как высоких примеров смирения и покорения (покорности) воле Божией, а вместе — и ходатаев наших перед Богом.

После чтения кафизмы следует пение пса-ломских стихов: «Господи, воззвах...» — псалмы 140-й, 141-й, 129-й и 116-й. В них мы приносим молитву упования, как бедствующие среди врагов спасения нашего, но всю надежду полагающие на Господа, молитву покаяния, веруя, что у Господа — очищение и Он избавит нас от всех беззаконий наших, и возносим глас хвалы за Его великую милость к нам и Его вечную истину.

Со стихами псалмов Святая Церковь соединяет песни, или стихиры, в которых прославляет благодать Божию, явленную нам или в Спасителе нашем, или в тех святых, воспоминанию которых посвящен наступающий день Святой Церкви. Изображая Домостроительство (созидание, устройство) нашего спасения или подвиги святых, Церковь научает нас прославлять Господа не только словом и песнию, но — подобно святым — и самыми делами, и жизнью.

Из песней, относящихся к этой части Вечерни, особенно замечательны те, которыми завершается пение стихир на Богослужении воскресном, прекрасные песни, составленные святым Иоанном Дамаскиным.

* В настоящее время Святая Церковь молится «о властех». — *Ред.*

Они называются *Догматиками*, потому что излагают догматы, т. е. богословское учение о воплощении Сына Божия и о Лице Его, как Богочеловека, не во *двою лицу* (не на два лица) *разделяема*, но во *двою естеству* (но в двух естествах) *неслитно познаваема*, а также о достоинстве Богоматери, как Всемирной славы, Небесной двери, Матери, паче (превыше) естества пребывшей Девою по Рождестве *Еммануила* (т. е. Христа — как он назван у пророка Исаии, 7, 14 и у евангелиста Матфея, 1, 23; значит — «С нами Бог») паче слова и разума.

Во второй половине Вечерни Церковь приметно (зримым образом) возводит нас на высшую ступень молитвы — усугубляет ее, возвышает. Это видно как из того, что в это время (в дни праздничные) совершается вход священнослужителей в алтарь, так и из содержания тех высоких песней, которые поют в этой части Богослужения или хор, или иногда сами священнослужители, например: «Свете Тихий...», и из ектении, называемой *сугубой*, т. е. соединяемой с троекратным *Господи, помилуй!*

Премудрость, прости — возглашает диакон или священник, показывая этим, что следующая песнь имеет высокое значение, — что мы должны усугубить наше внимание и потому стоять *прости*, т. е. не сидеть и быть в прямом положении, с добрыми и напряженными (не расслабленными, бодрственными) чувствами духа.

Затем мы славим Божественного Спасителя нашего песнию: *Свете Тихий...* В ней мы именуем Господа Иисуса Христа *Тихим Светом святых славы Отца Небесного*, потому что только через Него, через Его Воплощение свет славы Божией стал для нас источником блаженства, а без этого для грешников он был бы огнем пожигающим. Он же, Единородный Сын, Сый (Сущий, Пребывающий вечно, Вечный) в лоне Отчи, научил нас знать и славить Отца, Сына и Святаго Духа — Бога. Он дарует нам истинную жизнь и потому достоин святых славословий и вечного благодарения.

И вновь возглашается: *Премудрость, вондем!* — для возбуждения (сосредоточения) нашего внимания, чем указывается, особенно в праздники, на следующее за этим чтение из Священного Писания — *паремий*, а в обычные дни — на пение избранных стихов Священного Писания, называемых *прокимнами*, и на молитву: «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам...».

Две ектении усвоены (содержатся в) этой части Вечернего Богослужения.

Одной из них, называемой сугубой, мы молим преимущественно о благодетелях Церкви и храма: о Государе* и духовных пастырях, о создателях храма, о принадлежащей к нему братии и особенно о тех, кто трудами или служением своим приносит ему пользу, — «о плодоносящих, доброделающих, тру-ждающихся, поющих и предстоящих людех...».

Другая ектения, с пением *Подай, Господи*, — вся есть прошение о святом провозведении жизни, — ею мы испрашиваем себе безгрешный и мирный вечер, — Ангела, хранителя душ и телес наших, — покаяния и всего полезного для души, и, наконец, христианской кончины.

К этой же части Вечерни, кроме песней в честь святых или праздника, называемых *стиховны*, относятся и молитва праведного Симеона Богоприимца: *Ныне отпущаеши...* Эту предсмертную молитву святого старца Церковь велит (побуждает нас) повторять нам каждый вечер, чтобы и мы желали кончины блаженной и, готовясь к ней, могли с окончанием каждого

дня говорить то же, что желательно христианину сказать перед кончиной своей жизни: «Я отхожу с миром в душе моей... видели очи мои спасение Твое, Владыко!»

Таков смысл содержания Вечерни. Когда будете читать ее дома или слушать в церкви, благоговейно поучайтесь в мыслях своих, умиленно размышляя о том, как Господь и Спаситель наш Иисус Христос, претерпев Спасительные Страсти Свои, в пятницу вечером умер на Кресте за грехи наши и нашего ради спасения... как потом праведные Иосиф с Никодимом, сняв Тело Христово, обвили его плащаницей (полотном, погребальными пеленами; этим же словом называется обычно большой прямоугольный плат с изображением умершего Христа Спасителя) и положили во гробе, как Мария Магдалина и Пречистая Матерь Господа с плачем и рыданием, в горести сердца своего смотрели на всё это (Учительное известие).

Если почему-либо вы не сможете прочесть или выслушать Вечерню, то, вспоминая о Крестной смерти и погребении Спасителя, сотворите 100 молитв Иисусовых: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» и положите 25 поклонов.

В. Повечерие

Приближается ночь; уставшая плоть и утру-дившийся дух требуют покоя. Но кто знает, пробудится ли плоть наша от успокоения ночного,

* В настоящее время — «о властях»

или она уснет сном смертным? Почивает ли дух наш в мире или покой его будут возмущать темные зраки (нечистый мрачный вид) лукавых бесов, суеты мирской, бесчинные движения грехолюбивного (любящего грех) тела?

Как же необходимо нам, при отхождении ко сну, предстать перед Господом с сокрушенной молитвой о грехах, с прошением о том, чтобы Он не погубил нас на ложах наших, со беззакониями нашими, но сохранил нас во время сна от всех искушений и соблазнов, от всех козней и обаяний (заклинаний, нашептываний) врагов спасения нашего. И Святая Церковь ежедневно внушает нам, на сон грядущим, эти благочестивые чувствования в Повечерии, которое совершаться должно после вечерней трапезы. Повечерии — два: *малое и великое*.

Малое Повечерие есть сокращение великого. И это малое церковное моление весьма поучительно. Оно научает нас готовить себя ко сну не только частной, домашней, но и общественной молитвой.

Содержание малого Повечерия следующее.

Прежде всего мы приносим Господу покаяние во грехах, читая Псалом 50-й; далее, в псалмах 69-м и 142-м — просим помощи Всесильного Бога и заступления Его от врагов, ищущих уловить души наши, — врагов, которые, если нет особой помощи Божией, всего опаснее для нас тогда, когда предаемся сну; затем произносим славословие «Слава в вышних Богу...» с Прощением об исцелении душ наших и сохранении нас от греха в ночное время; ограждаем себя верой, читая *Символ веры*; укрепляем себя молитвой ко Господу Иисусу Христу «Иже (Тот, Кто) на всякое время...», да избавит Он нас от всякого зла и оградит святыми Своими Ангелами, а затем и молитвой к Божией Матери *Нескверная, Неблазная* (Чуждая соблазна, Чистая)... как Первой Ходатаице за грешных, прося Ее заступления во все дни жизни и в самый час нашей смерти.

Молитвой «И даждь нам, на сон грядущим...» просим Бога, дабы даровал Он нам, ко сну отходящим, вместе с покоем душевным и покой телесный, дабы сохранил нас от всякого темного и ночного сладострастия. Наконец, краткой молитвой преподобного Иоанникия «Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, Покров мой — Дух Святой. Троице Святая, слава Тебе!» совершенно предаем себя в руки Отческого Промысла Божия.

Особенно *великое Повечерие*, при внимательном чтении или слушании, легко может возбудить (вызвать) глубокие чувства христианские.

Мысль о том, что с наступлением ночи наступает в природе некая всеобщая безжизненность, образ повсюдной (как бы общей) могилы, и то, что человек как бы на огромном кладбище остается одиноким, — эта мысль сама по себе всегда поразительна и всегда наводит на душу тяжелое и вместе сладостное уныние.

Псалом 101-й Повечерия изображает это глубокое чувство одиночества и заставляет человека

вопить к Богу с молитвой: *Господи, услыши молитву мою, и вопль мой к Тебе да придет... Уподобился неясноты пустыней* (пеликану в пустыне); *бых яко ночный вран на нырщи* (стал как филин на развалинах). *Бдех и бых, яко птица, особящаяся на зде* (не сплю и сижу как одинокая птица на кровле).

Мысль о том, что во мраке ночном, когда человек готов погрузиться в сон, темные силы сатанинские легче, чем днем, могут возобладать над ним, и что, следовательно, ему нужна особая помощь, — внушает смиренному христианину страх и невольно побуждает его к молитве. Как естественны в этом отношении язык и чувства, выраженные в первых семи псалмах великого Повечерия!

Молящегося попеременно видим то приходящим в глубокое смирение, и слышим слова: *нищ есмь и убог, Боже помози ми*; то он воодушевляется крепкой надеждой на Бога своего: *в мире усну и почию. Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится*; то снова устрашает его мысль о невидимых врагах, равно как и о грехах своих, и потому он снова скорбит и молит об утешении и заступлении: *Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь. Исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя* (ибо кости мои потрясены), *и душа моя смятеса зело* (сильно потрясена).

Обычный сон может нечаянно свести нас с ложа во гроб, как не сказать при этом *Просвети очи мои, да не когда усну в смерть* (да не усну я сном смертным)! Во сне и смерти окружают человека темные зраки лукавых бесов; Церковь влагает в уста наши превосходные молитвы святого Василия Великого ко Господу и Павла, монаха обители Евергетидской, к Богородице. Смерть может настичь нас неготовыми; тогда темные дела наши пойдут вслед за нами...

Для предварительного очищения предлагаются нам покаянные псалмы пророка Давида с молитвой царя Манассии — столь умиленные и сильные, что ими грешник как бы насильно желает исторгнуть (вырвать) себе прощение у Судии Неумытного (Неподкупного). По смерти — суд: одна из песней (один из тропарей) Повечерия живо напоминает нам, *яко* (как)

страшен суд Твой, Господи, Ангелом предстоящим, человеком вводимым, книгам разгибаемым... кий (какой) суд будет мне, зачтому во гресех?

Но и обычный сон, сам по себе, без отношения к соприкосновенным (упоминаемым) предметам рассматриваемый, есть великое благо для человека, утружденного (утомленного) дневными заботами. Церковь не забыла этой прекрасной мысли и потому заставляет нас умиленной молитвой монаха Антиоха молить Спасителя о покое и сне ночном: *И даждь нам, Владыко, на сон грядущим, покой тела и души*; для покоя телесного *даруй нам сон легок*, (от) *всякого сатанина мечтания* (диавольского призрака) *изменен*; для покоя душевного *даруй* во сне *бодр ум, целомудрен помысл, сердце трезвящееся* (бодрствующее).

Наконец, последняя мысль Повечерия: не столько временный сон, сколько сон смертный возбуждает чувство разлучения со всем, что видим, чувствуем, любим; ненавидеть здесь нельзя: это неестественно; и потому всем желаем добра, за всех желаем молиться, когда видим, что ничем иным, кроме молитвы, не можем изъяснить своего чувства. Эту мысль превосходно выражает последняя молитва Повечерия: *Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи Человеколюбче...*

Если у человека еще остаются волнующиеся мысль и чувство, мы видим их вполне погружающимися в живое упование на Источник всякой жизни. Такое погружение выражено в кратком стихе: *Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, Покров мой — Дух Святой*.

Всякая мысль, всякое чувство предсонное естественны и сообразны с обстоятельствами времени! С другой стороны, всякая молитва и стих Повечерия верно приспособлены к свойству мыслей и чувств, которые добрый христианин находит сам в себе, подходя к своему ложу!

В великом Повечерии три части: первая часть состоит из псалмов 69-го, 4-го, 6-го, 12-го, 24-го, 30-го и 90-го. Во вторую часть входят: молитва святого Василия Великого, псалмы 50-й и 101-й, молитва Манассии, царя Иудейского, тропари *Помилуй нас, Господи, помилуй нас...* В составе третьей части — Псалом 142-й, великое славословие, рядовой канон святому (то есть канон святому, память которого совершается в данный день — «на ряду») или канон Пресвятой Богородице, стихирь *Господи сил с нами буди... Иже на всякое время... Нескверная, Неблазная... И даждь нам, Владыко... Упование мое Отец...* Молитва — *Владыко, Многомилостиве...* которую возглашает священник преклонившимся нам на землю. Оканчивается великое Повечерие взаимным испрашиванием благословения и прощения настоятеля у братии, и братии — у настоятеля.

Зная содержание и смысл Повечерия, вы, когда будете читать его дома или слушать в церкви,

размышляйте о том, как Святейшая Душа Спасителя, соединенная с Божеством, сошедшая во ад, связала державно (всею силой) князя тьмы, пленила (покорила, одолела) его царство и освободила души от века (от начала мира) там находившихся праведников от мучительства его, и возведя их с Собой, вселила в рай даже до Своего преславного Вознесения, а потому, благодаря Господа за все Его благодеяния, которые Он сотворил роду человеческому Спасительной Страстью и Животворной Своей смертью, молитесь Ему прилежно, чтобы Он, очистив и ваши прегрешения, избавил вас от вечной муки и сподобил Царства Небесного со всеми святыми, Ему благоугодившими (Учительное известие).

Если же не случится вам когда-либо прочитать или выслушать Повечерие, то вспоминая о сошествии во ад Спасителя и изведении из него душ праведных, сотворите 50 молитв Иисусовых и положите 12 поклонов (за малое Повечерие. — Ред.). А за великое Повечерие — втрое больше сего.

Всё вечернее Богослужение оканчивается напутственным для нас благословением Церкви, в отпуске священника, когда пастырь, обратившись лицом к своей пастве, изъявляет ей молитвенное желание, дабы достигли все мы главной цели наших молений, то есть: *Христос Бог наш, молитвами Пречистой Своей Матере и всех святых, да помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец*. И мы, наконец, идем в свои дома, где должны совершить еще *Молитвы на сон грядущим*.

Сущность этих молитв прекрасно изображена в «Беседах» Я. К. Амфитеатрова*.

Изложив сущность Утренних молитв, он затем продолжает: «Еще усерднее и человеколюбивее попечение Церкви о нас в то время, когда мы и после дневных трудов, и после дневных грехов намереваемся отойти к ночному сну: отсюда еще трогательнее и пламеннее церковные Молитвы на сон грядущим.

Я сказал: после дневных грехов. Так, братия возлюбленные, слово Божие учит нас, что нет ни одного человека, который бы чист был перед Богом, — хотя бы этот человек жил только один день на земле. Да и совесть наша свидетельствует, что мы каждый день согрешаем, то как

* Яков Козьмич Амфитеатров (1802—1848) — духовный писатель, профессор Киевской Духовной Академии. Имеются в виду его «Беседы об отношении Церкви к православным христианам». — Ред.

человеки, то и не как человеки, а иногда и *горее* (горше, хуже) *скотов*».

«Есть у нас ежедневные грехи вольные и невольные, ведомые и неведомые. Есть грехи от юности и по прошествии юности, грехи от науки злой (от учения, знания вредного, приносящего зло), от наглства (вспльчивости, гнева), от уныния. Мы должны бы со страхом и благоговением произносить имя Божие, но мы ежедневно *всуге* (тщетно, без пользы) призываем сие Святое и Страшное имя, либо хулим оно (его) в помышлении своем. Мы должны бы каждую минуту любить своих ближних как братии, обходиться со всеми как с детьми Отца Небесного; но что же мы делаем, как не ежедневно укоряем других, клеветаем, гневаемся, судим, уязвляемся (здесь: раздражаемся, завидуем) сердцем при виде чужой доброты?

К нам приходил несчастный за утешением, а мы еще больше опечалили его. Приходил нищий за помощью, а мы презрели его (пренебрегли им). Приходил смиренный за советом, а мы перед ним развеличались, разгорделись, либо ему дали повод к соблазну, либо сами, при взгляде на него, помыслили развращение (что-либо дурное) в сердце своем. Безгодно (здесь: чрезмерно, много) спали, неумеренно употребляли пищу и питье, предавались безумному смеху; иногда становились на молитву, но ум наш двигался о лукавствии (здесь: думал о соблазнах) мира; иногда совсем не радели (не заботились, не беспокоились) о молитве и произносили одни слова неподобные (неподобающие), может быть, целый день провели в злых насмешках над погрешением брата нашего и забыли, что свои грехи у нас — бесчисленны (молитва 3-я)».

Не такова ли точно история (здесь: описание) повседневной жизни нашей? С окончанием каждого дня оканчивается отдельная часть бытия нашего, и каждый вечер в тайной книге сердца нашего добавляется особая мрачная страница. Мы не любим, иногда не умеем читать этих плачевных страниц, но они написаны в совести нашей, их видит правосудие Небесное, видит Святая Церковь и при окончании каждого дня старается закрыть их от Всевидящего ока Божия.

Потому-то она каждый вечер предлагает нам самые трогательные молитвы к Богу Отцу, к Богу Сыну, к Богу Духу Святому — молитвы очистительные и покаянные; потому-то она заставляет (умоляет) взывать к Спасителю и Судии нашему, чтобы Он каждому дню нашей жизни даровал конец благой, и чтобы, не означая (не записывая) имени и дел наших в Книге

судной, Он записал нас в *Книге Животной* (в Книге Жизни) (молитва 7-я, ст. 9-й).

Ночной сон, дарованный Господом в упокоение немощи нашей, в ослабление (облегчение) трудов многотрудной плоти и воссияние (озарение светом) нового дня для нас Церковь считает! одним из великих чудес милосердия Божия к нам, грешным, чудес славных и ужасных (изумительных, вызывающих трепет), их же несть числа (утренняя молитва 6-я).

Но еще большее чудо она видит в том, что Великодаровитый и Человеколюбивый Господь приводит нас к концу того или другого мимошедшего дня нашей жизни, тогда как мы ленивы на угождение Бессмертному Царю и ничего доброго не делаем.

Дабы мы познали, как велико это ежедневное чудо милосердия Божия, Церковь дает нам необычно трогательную, благодарную и вместе с тем очистительную молитву, сама как бы не находя слов, довлеющих к изъявлению (достаточных для проявления) нашей благодарности.

«Что Ти принесу? Или что Ти воздам, Великодаровитый, Безсмертный Царю, Щедре и Человеколюбче Господи? Яко лентяща мене на Твое угождение, и ничтоже благо сотворша, привел еси на конец мимошедшаго дне сего, обращение и спасение души моей строя (устраивая, приготавливая)?» (молитва 4-я). «Мирен сон и безмятежен даруй ми, Ангела Твоего Хранителя поели, покрывающа и соблюдающа (сохраняюща) мя от всякаго зла: яко Ты еси Хранитель душам и телесем нашим» (молитва 5-я).

Умилятельное зрелище представляет собой мать, которая с нежной заботливостью готовит спокойное и чистое ложе своему младенцу: защищает его от беспокойных насекомых и закрывает от шума людского; и когда дитя уже спит, она все еще бодрствует у колыбели его, молитвенным словом и сердцем желая ему сна тихого и отрадного.

Но когда соображаю (обдумываю) значение Вечерних молитв, когда стараюсь проникнуть в их смысл, то нахожу, что самые нежные заботы земных матерей о своих детях далеко не сравниваются с попечением Церкви о нас, грешных: самые лучшие их желания о мирном сне детей всё еще не так хороши, не так святы и возвышенны, как желание Церкви при наступлении нашего сна ночного.

Как трогателен образ спящего христианина, начертанный в Вечерних молитвах Церкви! Христианин поживает на ложе, а в нем поживает (пребывает) Сладчайший Иисус, Добрый Пастырь Своих овец. Его (христианина) телесные очи покрыты сонной мглой: но его дух озаряется немерцающим (немеркнувшим) светом Духа Святого. Его ум во время бодрствования — может стать — забывавший о Евангелии, во сне осиявается таинственным лучом разума (постижения) Евангельского. Его душа знаменуется (запечатлевается) любовью ко Кресту Искупителя, сердце — чистотой слова Господня, тело освобождается от страстей Бесстрастно Страстию Пострадавшего за нас, мысль хранится Божественным смирением Агнца Божия (молитва 2-я).

Сон его не только безмятежен, но и священ, ибо у него отнят лукавый помысл (он избавлен от злых козней) видимого сего жития (молитва 4-я), удалено всякое мечтание (всякий призрак) и темные сласти (сластолюбие), укрошено стремление страстей (склонность к страстям), всей душе и телу дарована благодатная ослаба (облегчение) (молитва 6-я). Над ним простерты покров Пресвятой Девы и молитвы угодников Божиих (молитва 8-я). У его ложа ночного бодрствует Ангел Хранитель, блюдуший (оберегающий) его от нападения темных сил и от всякой иной неподобной вещи (неподобающего случая) (молитвы 4-я, 5-я, 7-я, 10-я). Не есть ли это образ того сна, каким могут поживать только благодатные сыны Божий на лоне Отца Небесного?

Но грешнику ли поживать блаженным покоем праведников? Для кого скорее и внезапнее одр может сделаться гробом, сон — смертью, как не для грешника? Для кого ужаснее Последний суд Божий, как не для того, *кто злое творить не престаёт*? Церковь знает всю опасность нечаянной (неожиданной) кончины, праведно могущей постигнуть нас, в нечаянии (ничего не ожидая) лежащих: посему-то, приводя ко одру, она заставляет (побуждает) каждого из нас с недоумением вопрошать Господа: «Не уже ли мне одр сей гроб будет? Или еще окаянную мою душу просветиши днем»? Заставляет нас в ложе и в сне предусматривать (видеть заранее) истинный гроб и смерть: «Вот гроб мой предо мной, и смерть предстоит мне». Сама как бы трепещет суда Божиего за нас и нас заставляет признаться: «Суда Твоего, Господи, боюсь и муки бесконечной ужасаюсь». И до суда Божия заставляет нас осуждать самих себя: «Знаю, о мой Боже, что я не достоин Твоего человеколюбия, а достоин всякого осуждения и муки».

Но и здесь, братия возлюбленные, в этом неложном (истинном) откровении предсмертных и предсудных чувств наших, в этом правильном самоосуждении нашем Церковь отнюдь не хочет оставить нас в нечаянии: напротив, чем ближе опасность, чем яснее наша уверенность в нашем недостоинстве, тем более она старается возбудить в нас надежду, заставляя каждого произносить спокойно и со всей преданностью: «Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, Покров мой — Дух Святой».

Тем более она дает нам христианское дерзновение, влагая в уста наши сильные слова святого Иоанна Дамаскина: «Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя. Аще бо праведника спасеши,

ничтоже велие; и аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно: достойни бо суть милости Твоя. Но на мне грешном удиви милость Твою, о сем яви человеколюбие Твое, да не одолеет моя злоба Твоей неизглаголанней благодати и милосердию».

Ставя нас перед ложем, на которое возлечь желаем, Церковь заповедует ограждать его крестным знаменем, как щитом неоторимым; желает духу нашему сообщить блаженное веселие (блаженную радость) при мысли о Животворящей силе Креста Господня; и когда наши вежди (веки) готовы сомкнуться, она говорит нам последнее слово материнское: «Перекрестись и с молитвой засни, помышляя День судный» («Беседы об отношении Церкви к православным христианам», беседа 8-я).

II. Утреннее Богослужение

Утреннее церковное Богослужение благочестивый христианин обычно предваряет своими домашними Утренними молитвами.

О сущности Утренних молитв Я. К. Амфитеатров говорит так: «Не довольствуясь одними общими молитвами за нас, приносимыми в храмах, и ведая, что мы не все поспешим туда, Церковь предлагает каждому из нас, как мать младенцу, особую готовую пищу домашнюю, — предлагает Утренние молитвы, назначенные ею для домашнего употребления нашего».

Она желает, чтобы первым нашим словом по пробуждении было призывание имени Все-святой Живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы первым нашим действием было троекратное ограждение себя знаменем Честного Животворящего Креста Господня. Она старается, тотчас по востании нашем от сна, придать нам чистоту Ангельскую, поставить нас

в лике (среди всего множества) сил Небесных, и заставляет воспевать Ангельскую песнь: *Свят, Свят, Свят!*

Но как все мы далеки от чистоты и святости (святости) Ангелов Божиих, мы, кто отходит ко сну грешными, а пробуждается от сна иногда еще грешнее, нежели какими уснули; потому-то Церковь сначала заповедует нам благодарить Создателя нашего, что Он не погубил нас со беззакониями нашими, но по Своему обычному человеколюбию и долготерпению воздвиг от одра и сна; потом каждую молитву свою наполняет очистительными воплями (возгласами) покаяния, просвещения и освящения нашего.

Так в иных молитвах она заставляяет нас умолять Господа, чтобы Он Сам очистил нас от всякия скверны плоти и духа и даровал нам бодренным сердцем и трезвенною (бодрственной, воздержной) мыслию всю настоящего жития ночь прейти (молитвы 1-я и 5-я); в других — чтобы Он, после нашего сна ночного, озарил нас светом день безгрешен (молитва 2-я), просветил наши мысли, очеса и ум наш от тяжкаго сна лености возставил (молитва 6-я); в иных — чтобы Он, даруя нам новый день жизни, помогал нам на всякое время во всякой вещи (во всяком деле) и избавлял от всякия мирския злыя вещи (злых дел) (молитва 3-я), сподобляя нас всегда творить Его Святую волю (молитва 4-я).

Уныние, забвение, нерадение почти всегда бывают причиной неисправленной жизни нашей. Церковь обращает нас к Богоматери, а Она Святыми Своими и всеильными мольбами отженет (искоренит) эти и все другие пороки (молитва последняя), разрешит пленицы (разрушит цепи) грехопадений наших и сотворит нас домом Духа Божественнаго (молитва 7-я).

В каждую минуту жизни нам необходим Небесный страж и помощник: Церковь призывает нас взывать к Ангелу Хранителю окаянной души нашей, да не оставит он нас, ниже (даже не) отступит за невоздержание наше; да укрепит бедствующую и худую (плохую, негодную) руку нашу, и наставит нас на путь спасения; да покрывает в настоящий день и хранит нас от всякого искушения.

Многokrатно мы отходили ко сну, многokrатно и вставали ото сна такими же, как и вчера, и третьего дня; встали ныне, может быть — встанем и завтра; но кто знает, лучше ли будем сегодня и завтра, чем были вчера? Станем ли совершать дела света или еще глубже погрузимся во тьму греховную? Ах, братие, сколько раз обещались мы исправить окаянную жизнь нашу и

всегда лгали себе и Богу нашему! Где наши дела, которые могли бы спасти нас? «Боже мой, не взыщешь (не найдешь) дел, отнюд (совсем) оправдающих мя!»

Что же остается нам ко спасению (для спасения)? Благодать, вера. Посему-то Церковь в начале Утренних молитв обязывает нас произносить молитвенно Символ веры, а в конце их дает нам самую сильную молитву к Искупителю нашему, которой старается не только умиловать Господа, но как бы убедить Его всем делом искупления — спасти нас, ссылаясь не на наши непостоянные, а на Его непреложные обетования (неизменные обещания), не на наши дела, а «на Его бесконечную благодать и милосердие».

«Ты, Многомилостивый», — призывает Церковь каждого из нас вопиать (зывать) ко Господу Иисусу — «многия ради любви шел и воплотился еси, яко да спасеши всех. Теперь еще и еще спаси мя по благодати, молю Тя».

Какой грешник сам от себя дерзнул бы сказать Богу — Судии: «Если от дел (по делам) спасеши меня, это не благодать и не дар, это долг паче (это более, чем долг, превыше долга)»? Церковь влагает в уста наши это дерзновение. Кто отважился бы одну простую веру свою представить вместо всех дел благих и ею смиренно защищаться перед правосудием? Церковь дает нам эту великую защиту. Ей, Многий в щедротах и Неизреченный в милости! Ты Сам сказал: *Веруй в Мя жив будет и не узрит смерти во веки*.

Итак, если вера в Тебя спасает отчаянных грешников, то вот, я верую: спаси меня, ибо Ты мой Бог и Создатель. Пусть вера моя вместо дел вменится (засчитается) мне; ибо дел, оправдывающих меня, Ты не найдешь у меня. Но та вера моя да удовлетворит Тебе за все, та (она) да отвечает, та да оправдит мя, та да покажет мя причастника славы Твоея вечныя.

Пусть не хвалится сатана, что он отторгнет меня от Твоей руки и ограды (ограждения, защиты). Не взирай на мою испорченную волю; но хочу ли я или не хочу, спаси меня: ибо Ты Бог мой от чрева матере моея (молитва 8-я).

Таким образом, Святая Матерь (Церковь) наша не только молит Господа о нас, но и защищает нас перед Ним; не только сама защищает, но и нам, окаянным, дает некоторое неотъемлемое право *на защиту* самих себя (беседа 8-я).

Когда душа наша свежее и свободнее от праха земных помышлений? Утром. Церковь старается на несколько минут овладеть нашей утренней душой — и призывает нас к утренней службе, а вместе со службой и к поучению.

Вы всё еще спите и поживаете, — говорил Спаситель ученикам Своим, около полуночи совершая кровавый подвиг в саду Гефсиманском. Троекратно подходил Он к ним, троекратно находил их спящими; и как бы жалея нарушить (беспокоясь о том, чтобы не нарушить) покой друзей Своих, Один повергался на землю с пламенной молитвой к Отцу Небесному (Мф. 26, 39—44). Взирая на нас, как на детей, беспечно покоящихся в колыбелях своих, Святая Церковь — Матерь наша, около полуночи тихо старается пробуждать нас гласом Искупителя: *Что спите? Вставше, молитесь, да не увидите в напасть* (в искушение).

Но если мы спим и не хотим подняться от ложа нашего, то она со своими служителями и с немногими бодрствующими сынами — обыкновенно с дряхлыми старцами — удаляется в храмы свои, как Господь удалялся в сад Гефсиманский, и там совершает полунощные молитвы о нас и вслед за ними — утренние. Мы еще спим и поживаем, а она уже повторяет покаянные и поучительные псалмы Давидовы. Мы спим, а она, как бы с сожалением говоря о нас: *Вы всё еще спите и поживаете*, — уже многократно испрашивает нам в молитве Господней хлеба насущного у Отца Небесного *на Полунощнице, Утрени и Первом часе*.

А. Полунощница

Утреннее Богослужение обычно начинается у нас *Полунощницей* — молитвенным чтением и пением, которое древние совершали (как и теперь некоторые обители совершают) в самую *полночь*. Это самое раннее и наиболее удаленное от мирского шума время Церковь учит нас посвящать Господу и предлагает тогда такие молитвы и воспоминания, которые наиболее могут утверждать жизнь христианина в Боге и уповании жизни Вечной (надежде на жизнь Вечную).

На Полунощнице, после обычных начальных молитв, мы прежде всего очищаем себя чувствами покаяния и потому читаем Псалом покаянный — 50-й. Затем чтением великого Псалма 118-го (кафизмы 17-й) утверждаем волю свою в законе Божиим, ибо исповедуем с Псалмопевцем, как (сколь) блаженны ходящие в законе Господнем, как (сколь) благ он (закон) паче (более) тысяч злата и серебра, сладостен паче меда и сота, как умудряет ревнителей своих паче (более, чем) старцев, просвещает и вразумляет младенцев, как дарует многий мир и другие

драгоценные блага любящим его.

Этот Псалом — один из поучительнейших во Всей Псалтири: его воспевают Церковь при воспоминании погребения Спасителя в Великую Субботу; его повторяет при гробе каждого брата нашего или сестры нашей, отошедших в другой мир; его же положила (определила) она повторять и ежедневно, дабы в сердце каждого христианина, как на дверях отшельника, начертать важную и приснопамятную (достойную напоминания) истину: «Memento mori» — «Помни о смерти».

Утвердив таким образом волю свою в воле Божией, христианин, встав от сна, старается утвердить и сердце свое в истинной вере, для чего читает Символ веры. Потом слышим песнь: *Се (Вот) Жених грядет в полнощи* и другие песни, напоминающие нам о Втором пришествии Господа, дабы не настигло оно нас, как *тать в нощи* (как вор ночью) (2 Пет. 3, 10), — неприготовленными.

Но приводя на память Страшный день суда, имеющего решить участь всех на целую вечность, мы не можем не вспомнить отцов и братьев наших, уже перешедши предел смерти, и там, где нет места покаянию, жаждущих молитв Святой Церкви? Потому Церковь в конце Полунощницы полагает моление за усопших.

Это моление начинается она двумя псалмами: *Возведох очи мои в горы* — 120-м, и — *Се ныне благословите Господа вси раби Господни* — 133-м, возводящими дух наш к Тому, Кто недреманно хранит Нового Израиля (то есть Новозаветную Церковь Христову) и особенно присутствует благодатию Своею во святых местах; а потом — в песнях и молитве «Помяни, Господи, в надежде Воскресения Жизни Вечной, усопших...» побуждает нас просить усопшим прощения грехов и упокоения в месте светле, идеже присещает (где посещает, встречает) свет лица Божия.

Вся Полунощница оканчивается ектений, в которой, молясь обо всех живущих, не только любящих, но и ненавидящих нас, молимся и об отошедших отцах и братьях наших.

Кроме Вседневной Полунощницы, есть у нас еще *Субботняя* и *Воскресная*. Первая (Субботняя) отличается от вседневной почти одной кафизмой; ибо вместо 17-й, как положенной для чтения на Утрени в Субботу, полагается чтение 9-й кафизмы. Последняя (Воскресная) замечательна тем, что вместо чтения кафизмы и пения известных умирительных песней, совершается славословие Пресвятой Троице — в каноне и следующих за ним высоких песнях святого Григория Синаита: «Достойно есть, яко воистину (истинно), славити Тя, Бога Слова...».

В этом последнем случае, то есть в начале дня, открывшего нам славу Божественного Воскресения, Церковь поставляет чад своих как бы среди Ангелов, немолчно воспевающих славу Бога Троицостасного (Имеющего Три Лица — Три Ипостаси).

Совершая Полунощницу, размышляйте прилежно о том, как Господь наш — в полночь, идя на Вольную Страсть (Добровольное Странствие), в саду так прилежно молился, что пот Его был как капли крови, капающей на землю. Размышляйте и о том, как взятый там воинами, подобно злодею, связанный, Он веден был прежде ко Анне (Первосвященнику), и какое здесь претерпел поносное (исполненное клеветы и злоречия) уничижение, оплевания, биения и другие неисчислимые страдания, — и всё это для того, чтобы освободить нас от уз греховных и от томления (мучения) и мучительства (господства) диавольского (Учительное известие).

Если же не придется вам когда-нибудь прочитать или выслушать Полунощницу, то вспоминая кровавые Странствия Спасителя в саду Гефсиманском и во дворе архиерейском, сотворите молитв Иисусовых 100 и поклонов положите 25.

Б. Утрени

Начало нашей Утрени заслуживает особого замечания. Церковь, помня Апостольскую заповедь: *Молю прежде всех творити молитвы — за вся человек», за царя и за всех, иже во власти суть* (1 Тим. 2, 1, 2), — представляет в начале своей Утрени краткое моление о Царе (властях) и Отечестве, и совершает его следующим образом.

В то время, как священник совершает каждение по всему храму, возбуждая благоуханием (благоуханием) кадила не столько внешние, сколько внутренние чувства наши, дабы расположили мы сами себя приносить молитвы наши, яко (как) кадило перед Богом, — чтец нескоро (неспешно) произносит псалмы 19-й и 20-й: *Услышит тя Господь в день печали... Господи, силою Твоею возвеселится Царь...* — в которых выражаются молитвенные благожелания Царю (властям) и царству (Отечеству); затем — молитвенную песнь: «Спаси, Господи, люди Твоя...» и другие молитвы, также относящиеся к Царю (властям) и Отечеству; священник молится о том же в краткой ектений: «Помилуй нас, Боже...», и, начертывая кадилом крест перед Святым Престолом, возглашает: «Слава Святей и Единосущной и Животворящей и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков».

Так Православная Церковь исполняет священную обязанность по отношению к своему земному защитнику и покровителю Государю (к властям), а тем самым и каждого из нас учит

прежде всего молиться о властях с той же уверенностью в том, что если власти пребудут в мире, будут и нам (у нас) мир, благоденствие и наше общее счастье.

Возглас священника, которым славословится Пресвятая Троица, напоминает нам, что все мы, просвещенные чистейшим Богопознанием и животворимые (оживляемые, воскрешаемые) благодатью Бога Триипостасного, должны приносить Ему честь и славу. На этот возглас отвечают хор или чтец новозаветным Ангельским славословием: *Слава в вышних Богу и на земли мир!* После сего следуют чтение избранных псалмов, ектеня великая, кафизмы, песни, приличные (относящиеся к данному) дню.

Вся Утренья может быть разделена на три главных части: в первой части — *шестопсалмие*, во второй — *канон*, третья начинается *славословием*.

В первой части Утрени важнейшее чтение — *шестопсалмие*, или шесть избранных псалмов. Церковь заповедует нам, «да глаголем их со всяким вниманием и страхом Божиим, яко Самому собеседующе Христу Богу нашему невидимо, и моляще о гресех наших». И действительно, они так трогательны, утешительны и поучительны, что способны в самом великом грешнике возбудить чувства покаяния и надежды на милосердие Спасителя, и душу, пораженную самой лютой (жестокой) скорбью, утешить и ободрить.

Содержание их следующее.

Господи! Что ся умножиша стужающии ми (как умножились враги мои)? Так жалуется (сетует, печалится) молящийся на множество врагов своего спасения, но успокаивает себя твердой надеждой на помощь Небесную и не боится тем (множества) врагов, нападающих на него. Он уверен, что от Господа — спасение и на верующих — благословение Его (Пс. 3).

Господи! Да не яростию Твоею (не в ярости Твоей) *обличиши мене*, — молится трепещущий перед правдой Божией грешник, чувствуя всю виновность свою перед ней, сознавая, что несть (нет) мира в костях его от лица грехов его (то есть от грехов его), что беззакония превзыдоша главу его и как бремя тяжкое тяготят его. Никто не утешит оплакивающего грехи свои. К Одному Богу — Спасителю вопиет он: *не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене; вонми в помощь мою* (поспеш на помощь мне), *Господи спасения моего* (Пс. 37).

Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю (Тебя от ранней зари ищу я)! Так начинает благочестивая душа выражать пламенное стремление свое к Богу и желание видеть славу Его во святилище. Любящий Бога воспоминает о Нем на постели своей, помышляет о Нем *на утренних* — в часы утра, в крове крил (в тени крыл) Его радуется и здесь чувствует себя безопасным от врагов, ищущих души его (Пс. 62).

После сего верующий, чувствуя благодатное утешение, произносит славословие и хвалу — *аллилуиа* — Пресвятой Троице; а затем опять как бы подавленный сознанием бедствий греха, молится: *Господи! Боже спасения моего, во дни возвах и в нощи* (днем вопию и ночью) *пред Тобою. Исполнися зол душа моя и живот мой* (жизнь моя) *аду приближися*. Кающемся мнится (думается), что не только знаемые (близкие) удаляются от него и полагают его мерзость себе (считают его отвратительным для себя), но и Господь отрывает (отвергает) душу его; он продолжает взывать к своему Спасителю: *да внидет пред Тя* (да взойдет пред Лицо Твое) *молитва моя, приклони ухо Твое к молению моему* (Пс. 87).

Утешение благодати снова входит в сердце кающегося, и он в святом восторге восклицает: *Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя Святое Его!* Господь очищает все наши беззакония, исцеляет все недуги, избавляет жизнь нашу от истления (растления); Он — Отец Щедрый и Многомилостивый и знает все наши немощи. Милость Его от века и до века на боящихся Его. Да благословят Его все Ангелы и все создания! *На всяком месте владычества Его, благослови, душе моя, Господа* (Пс. 102).

Но и после того, как прощены нам грехи и мы введены в Царство благодати, можем ли похвалиться святостью? Можем ли не сознавать опять недостойности нашего перед Всесвятым? Потому еще молимся: *Господи, услыши молитву мою!* — *Не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живой* (ни один из живущих). Враг гонит (преследует) нас; но мы воздеваем руки к Господу, жаждем Его как земля безводная, и молимся, да покажет Он путь Свой нам, да научит творить волю Свою, и Духом Благим да наставит нас на стези (пути) правые (Пс. 142).

В середине шестопсалмия священник становится перед Царскими дверьми и, соединяя свои молитвы с нашими, еще более укрепляет нас в уповании на милосердие Всесвятой Троицы. Он читает 12 молитв, молясь Триипостасному Богу о всех стоящих перед лицом славы Его, да спасет нас силой Своей, да отженет (отгонит) мрак от сердец наших, да помянет всех на земле и на море, требующих помощи Его, наконец, славословит и благодарит Господа за дарование нам света дневного и просит о свете духовном, благодатном.

К ободрению же и утверждению душ наших в надежде спасения служит и та песнь, которую

слышим после великой ектении и перед чтением кафизм — песнь, славящая спасительное пришествие Господа на землю: Бог *Господь, и явился нам, благословен грядый во имя Господне!* Она взята из Псалма 117-го (см. стихи 26 и 27) и соединяется с другими стихами этого Псалма (1, 11, 17 и 22).

Во второй части Утрени важнее всего канон.

Слово *канон*, то есть правило, означает, что эти песнопения составлены по особым правилам. Обычно состоят они из 8 песней, и каждая содержит в себе несколько малых песней, — ирмос, или начальную песнь, как образец, 3 или 4 *тропаря*, — песни, имеющие *обращение* (характер, направленность), сообразное с *ирмосом*, и равные ему по пространству (по объему). [*Ирмос* происходит от греческого слова, значащего *связывать*, а *тропарь* — от слова, значение которого — *обращать* (соотноситься)].

Последний тропарь в каждой из 8 песней относится к Богородице, к Которой Церковь чаще всего обращается, как Высшей всех святых и Сильнейшей Ходатаице нашей перед Спасителем.

Основание свое каноны имеют в священных песнях, большей частью ветхозаветных, из которых заимствуются отдельные выражения, и таким образом от древних преобразований и пророчеств возводят нас к событиям новозаветным, от чудес Божиих древних — к новым дивным действиям благодати.

Первая песнь имеет отношение к благодарственной песни Моисеевой, воспетой по переходе через Чермное (Красное) море: *Поим Господеви, славно бо прославися...* (Исх., гл. 15), — и эта песнь славит десницу Господню, прославленную в крепости, возводя тем самым дух наш к Божественному Победителю зла и смерти, избавившему нас от плена вечного*.

Третья песнь имеет основание в молитве святой Анны, матери Самуила, благодарившей Бога за разрешение своего неплодства: *Утвердися сердце мое в Господе...* (1 Цар., гл. 2), — и изображает молитвенные чувствования или всей Церкви, прежде неплодной, а ныне веселящейся

* 2-я песнь поется и читается только Великим постом. Она заимствована из обличительной песни Моисеевой: *Вонми, Небо, и возлаголю...* (Втор., гл. 32).

о многих святых чадах своих, или каждой души христианской, просящей своего утверждения в Господе.

Четвертая песнь — это подражание песни пророка Аввакума: *Господи, услышах слух Твой и убоялся...* (Аввак., гл. 3), — с благоговейным трепетом созерцавшего славу пришествия Божия, эта песнь славит таинство Пришествия к нам Сына Божия.

Пятая песнь заимствована из книги пророка Исаии: *От ночи утренюет дух мой к Тебе, Боже...* (Ис. 26, 9—21), воспевающего избавление Церкви от врагов и торжество над самой смертью, — и молимся мы о благодатном просвещении, о мире Небесном, о других плодах Божественного Искупления.

В шестой песни мы, подобно пророку Ионе, молившимся во чреве китовом: *Возопих в скорби моей ко Господу Богу...* (Иона, гл. 2), обращаемся к Тому, Чье Трехдневное Воскресение преобразовало Иону, и просим Его (Господа) об избавлении нас от житейских волн и от всех опасностей, угрожающих нашему спасению.

В седьмой песни мы, по примеру трех отроков, в Вавилонской печи воспевавших: *Благословен еси, Господи Боже отец наших...* (Дан. 3, 26—51), прославляем Святую Троицу, — Благословенного Бога отцов наших.

Восьмая песнь заимствована из песни тех же святых отроков (Дан. 3, 52—60), и мы, подобно им, призываем все дела Господни петь и превозносить Владыку всех во веки.

Девятая песнь составлена в соответствии с новозаветной Песнью Захарии, отца святого Иоанна Предтечи: *Благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем Своим...* (Лк. 1, 68—79), и предваряется она обычно песнью Самой Богородицы: *Величит душа Моя Господа...* (Лк. 1, 26—36). Эта песнь посвящена преимущественно похвале Божией Матери.

Весь канон разделен в честь Святой Троицы на три части, каковые отделяются одна от другой малыми ектениями и завершаются чтением или пением особых песней.

Так, после 3-й песни слышим *седален*, — песнь, названную так потому, что древние христиане после 3-й песни обычно отдыхали сидя и слушали чтение поучений или святых повестей (назиданий). Седальны полагаются и после каждой кафизмы по той же причине.

После 6-й песни положено пение *кондака* и *икоса*, а иногда и чтение *синаксаря*, или краткого

описания того, что воспоминается в тот день Церковью.

9-я песнь завершается *светильном*, — песнию, в которой молимся о ниспослании нам света обычного и особенно — благодатного.

Последняя песнь — это как бы переход к следующему за тем славословию, содержащемуся в псалмах 148-м, 149-м и 150-м, и в хвалебной песни: *Слава в вышних Богу!*

В последней части Утрени пение и молитвы соответствуют преимущественно утру или началу дня. «Слава Тебе, показавшему нам свет!» — восклицает священник, вознося благодарение Богу как за свет, воссиявший нам во дни (то есть в дневное время), так и за свет веры, просветившей нас подобно солнцу и соделавшей *сынами света и дня* (1 Сол.* 5, 5).

Лик (хор) отвечает пением песни: «Слава в вышних Богу!», в которой мы благодарим Святую Троицу и особенно Агнца Божия, взявшего грехи мира, и просим, да сподобит Он нас всё время дня провести без греха.

Песнь эта — древнейшая, ибо о ней упоминают отцы IV века, например святой Афанасий в книге о девстве; и, может быть, она та самая, которой христиане еще во II веке, в ранних утренних собраниях славяли Христа как Бога, по свидетельству Плиния (Младшего; римского писателя) — в донесении императору Траяну.

После славословия мы молимся подобно тому, как молимся в последней части Вечерни, применяя моление ко времени утреннему.

Совершая или слушая Утрению, размышляйте о том, как Господь с великим уничижением был веден от Анны к Каиафе и какие там, от полуночи до утра, ради грехов наших, претерпел испытания, лютые томления, заушение (удары по уху, пощечины), оплевания, поругания и другие немилосердные удары (Учительное известие).

Если же у вас нет возможности вычитать или выслушать Утрению, то, вспоминая страшные Страдания Господа во дворе Каиафы — от полуночи до утра, сотворите 300 молитв Иисусовых и положите 50 поклонов.

В. Первый час

Первый час, соответствующий нашему седьмому часу утра, характерен тем, что в это время Судимый и Мучимый Спаситель был переведен от Каиафы к Пилату, в самом начале дня.

В трех псалмах Первого часа (5-м, 89-м и 100-м) мы слышим древнейшие молитвы утренние.

В первом из них святой Давид проявляет ревность свою о благочестии и отвращается от

* Первое послание (апостола Павла) к Солунянам. По-русски — Первое послание к Фессалоникийцам (сокр. 1 Фес.). — *Ред.*

нечестивых, молится, *дабы отпали они от мыслей своих и да возвеселились* все уповающие на Господа.

Во втором из них пророк Моисей, более древний, чем пророк Давид, исповедует вечность и величие Творца и ничтожество человека, который, как трава, *утром процветет* (расцветет), а вечером *отпадет, ожестеет и изсыхнет* (затвердеет и высохнет), и молит о том, чтобы исполняющий нас завтра (рано утром) милостью Своей всегда призывал (милостиво смотрел) на рабов Своих.

В третьем — опять слышим святого Давида: он воспевает *милость и суд*, являет перед Богом обет свой (указывает на свои прошения, молитвы к Богу) — удалять и наказывать клеветников и гордых, а приближать к Себе только верных и непорочных, и тем самым научает нас устраняться от общества развращенных и соединяться с благочестивыми. Затем (если есть «аллилуиа») читается молитва (собств. — тропарь): «Завтра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой...!»

Воссияло солнце, как жених, исходящий от чертога своего; человек должен выйти на дело свое и на делание до вечера. Сколько он может в продолжение дня встретить беззакония, клеветы, недоразумений!

Поэтому мы произносим молитвы из Псалма 118-го: *Стопы моя направи по словеси Твоему* (утверди в слове Твоем), *и да не обладает мною всякое беззаконие! Избави мя от клеветы человеческий* (от угнетения человеческого), *и сохрани заповеди Твоя! Лице Твое просвети на раба Твоего* (осияй раба Твоего светом лица Твоего) *и научи мя оправданием* (уставам) *Твоим! Да исполнятся уста моя хваления Твоего, Господи, яко да воспую славу Твою, весь день великолепие Твое!*

И после других известных молитв завершаем Первый час молитвой Спасителю, «Да знаменается на нас свет лица Его, и да исправятся стопы наши к деланию Божественных заповедей!»

Кроме того, в Первом часе есть важные напоминания о Спасителе страждущем. Как

Полнощница напоминает о молитве Господа в вертограде (в саду) и о приведении к Первосвященнику Анне, так *Утренняя* — о приведении от Анны к Каиафе и о мучениях, перенесенных Спасителем, — от полуночи до утра; так же и Первый час как бы ставит нас перед очами Искупителя, ведомого от Каиафы к Пилату в претор (судебное место), сопровождаемого клеветой и ненавистью старейшин и архиереев иудейских.

«В совершении Первого часа благоговейно да размышляем: како Спаситель наш в 1-й час дне веден бысть в претор от Каиафы к Пилату и како там всего мира Судия от беззаконных архиереев оболган и от неправеднаго судии осужден бысть» (Учительное известие).

Если же вам не случится выслушать или вычитать Первый час, сотворите 50 молитв Иисусовых и положите 7 поклонов.

Всенощное бдение

Состав Утрени во многом сходен с составом Вечерни и отличается преимущественно тем, что содержит в себе *канон*, то есть песнопения в честь Господа или святых Его. Нельзя не заметить и того, что в Вечерне преимущественно воспоминается Ветхозаветное, а в Утрени — Новозаветное Домостроительство (здесь: руководство, управление, созидание) нашего спасения. Поэтому Святая Церковь, когда имеет совершить особое торжество на Великие праздники, соединяет Вечерню и Утреню в одно целое и таким образом совершает Богослужение, называемое *Всенощным бдением*, — полное торжество.

Составители Всенощного Богослужения соединили и привели к согласию (к согласованию) всё разнообразие священных предметов, дабы возвысить и усладить дух созерцаниями Небесного. Для религиозного духа здесь слышим звуки древнейшей в мире Богослужебной поэзии в псалмах пророка Давида, вдохновенные речи пророков ветхозаветных и восторженные песни христианских песнотворцев.

Для познания и назидания здесь находим догмат, олицетворенную добродетель христианскую, историю, преображенную (претворенную) в живую и трогательную песнь. Даже для внешних чувств попеременно представляются нам здесь: чтение, беседа, пение — слуху; облачения, разнообразные действия клириков облаченных, возжжение светильников, каждение — очам и обонянию.

Мы привыкли видеть и слышать эту святую службу и потому не всегда живо чувствуем ее силу, важность и дух благочестия, повсюду движущийся в ней. Но не по нашим чувствам, часто вялым и слабым, должно судить о ней. «Мы думали, что на Небесах стоим и слышим Ангельские гласы», — говорили те, кто первый раз услышали службу и священнодействия Православной Церкви. Вот минута, когда и чувственный, непросвещенный верой человек может постигнуть дух нашего Богослужения, не понимая даже языка его.

Всенощное Богослужение, равно как и другие виды наших православных служб, составлено из четырех частей: а) Священного Писания, б) песнопений христианских песнотворцев, в) различных молитв, г) священнодействий.

1) Из Священного Писания заимствованы для Всенощной — а) псалмы, б) паремии, или чтения из книг Священного Писания Ветхого, иногда — Нового, Завета, в) утренние, т. е. читаемые на Утрени, Евангелия.

а) Псалмы — Боговдохновенные песни пророка Давида широко используются на Утреннем Богослужении и как бы пронизывают его собой — то в виде кратких стихов, то в виде припевов, то как *прокимны* (отдельные стихи из псалмов); входят целыми частями, содержащими по несколько псалмов, каковы — шестопсалмие, рядовые (то есть читаемые «на ряду» — ежедневно, кроме дней Великого поста) кафизмы.

б) Кроме псалмов, на Всенощных бдениях читаются и другие места из Священного Писания — *паремии*. Паремии избраны согласно верному религиозному вкусу и по строгому закону соответствия обстоятельствам той службы, на которой предлагается их чтение; и потому в них выражается сущность и характер праздничного Богослужения. Сама Церковь старается возбудить в нас особое к ним внимание, повелевая перед их чтением служителю алтаря возглашать знаменательные слова: «Вонмем (будем внимательны), премудрость!»

в) Между *степенными* и канонам на Всенощном бдении читается Евангелие. Утренние Евангелия бывают двух видов: одни — на праздники Господни, Богородичные и великих святых; их содержание — самый предмет праздников; другие — Евангелия воскресные, их содержанием служит история о Воскресении Господа, явлениях Его по Воскресении и о Вознесении на Небо.

2) Новозаветные песнопения — тропари, кондаки, каноны и иные песни, имеющие свои

особые названия, звуки (звучание) и дух, образуют обильный источник чувства и назидания; ими преимущественно отличается служба одного дня от другого, один предмет службы от другого; они суть характер, олицетворение воспоминаемого в службе лица или события; они — это самое событие, преобразившееся в живую, часто восторженную песнь, или песнь, вызывающую благочестивое чувство к наслаждению предметами духовными, питающую и воцерковляющую дух и уводящую его от мирского рассеяния и жизни внешней.

Взаимное отношение всеобщих богослужебных песней можно представить в следующем виде.

Кондак, читаемый обычно по 6-й песни канона, можно назвать *темой* всех песней службы, которой (темой) кратким песненным языком выражается главный предмет праздника.

Дневной или праздничный *тропарь* — это первое *развитие темы* в чертах более полных и определенных; это — вид *разделения* (разработки, раскрытия) *темы*.

Ближайшее (т. е. дальнейшее) развитие тропаря, особенно кондака, есть *икос*: он есть тема, перешедшая из предложения в полную *строфу*, иногда в краткую *оду*.

Ближайшее развитие и как бы расширение мысли и духа, движущегося в икосо, — это *стихиры* на «Господи, воззвах», литийные, стиховные, хвалитные: это полные, иногда значительно обширные оды, имеющие не всегда равное число строф — четыре, шесть, восемь, десять, двенадцать.

Полнейшее развитие стихирных од есть *канон*, состоящий из трех, девяти и обычно из восьми песней, или од, из которых каждая бывает сложена из трех, четырех, пяти и шести строф, или тропарей, вместе с ирмосом, который в каждой песни канона служит *связью* с последующими строфами.

Если бы так случилось, что внимание и дух молящегося каким-либо образом растерялись во множестве и разнообразии тонов, то Церковь положила объединять их еще некоторыми краткими песнями, поразительными и в удобных местах службы расположенными весьма искусно. Отсюда — *седальны, неседальны, степенны и антифоны, стихиры — по (после) полиелейные, по (после) Евангельские, световодственные, или светильны, ексапостиларий* (тропарь, читаемый на утрени после канона в воскресные и некоторые праздничные дни; тропари, читаемые в иные дни вместо ексапостилариев, называются «светильны») и так далее.

Простой взгляд на расположение и взаимное отношение отдельных песней показывает, насколько связана и стройна целая песнь, составляющая Всеобщую службу нашу Богу, как разнообразны, но не разногласны тоны ее, и вместе как сообразны со свойствами то молящегося, то торжествующего духа.

Главная мысль или *данное* (тема) службы, первоначально являясь кратким в кондаке, возрастает в тропаре и икосо, облекается в величие и торжественность в различных стихирах, получает полнейшее и как бы окончательное образование (развитие) в канонах; по временам она дает отдельные тоны и отголоски то умирительные, то возвышенные — в отдельных стихах небольшого размера.

3) Молитвы на Всеобщем бдении — одни читаются тайно священниками, другие возглашаются вслух — для народа. В начале Всеобщей, когда читается или поется «предначинательный» Псалом 103-й: *Благослови, душе моя, Господа*, — священник тайно перед Царскими вратами читает *молитвы светильничные*, в которых просит Господа, дабы Он просветил очи сердец наших в познание истины, облек нас в оружие духовного света, избавил нас от страха ночного и всякой вещи, во тьме преходящей (от язвы, ходящей во мраке)...

Когда читается *шестопсалмие*, мы опять видим священника Божия, уединенно стоящего перед Царскими вратами алтаря, как перед дверями заключенного (закрытого) Рая. Избранный и освященный ходатай у Бога за предстоящий в храме народ, он читает в это время свои *12 утренних молитв*, в которых всеумилненно (с особым смирением, сокрушением сердечным) благодарит Господа, восставшего от сна народ, собравшийся на славословие Божие, испрашивает ему помощи Небесной, умоляет Владыку жизни, да помянет Он на Небесах каждого из предстоящих в храме — по имени, да явит нас сынами света и дня и во множестве щедрот Своих да не забудет не только находящихся в храме, но и по всей земле и на море, и на всяком месте владычества Божия.

Молитвы эти проникнуты глубочайшим духом благочестия и умиления и исполнены неизъяснимой духовной сладости.

Другой род молитв на Всеобщем Богослужении (общий, впрочем, для этой и других церковных служб) составляют наши ектений — великая и малые, — это молитвы по преимуществу общенародные, или молитвы *напряженные* (то есть усиленные). В них для людей каждого общественного звания изложены существенные потребности и прошения.

Священноначалие церковное, правители гражданские, воинство, весь народ, благостояние Церкви и народа, благостояние видимой природы — *воздуха и плодов земных*, облегчение участи страждущих, плененных, огорченных душой, плавающих, путешествующих, и Ангел Хранитель жизни нашей, и день святой и безгрешный, и полезное душам нашим, и христианская кончина, — всё это не забыто и обо всем приглашают нас священник или диакон крепким (настойчивым, сильным) воплем сердечным призвать ко Господу, да помилует Он всех и всё да

подаст нам.

Но как бы не довольствуясь одними священническими и общенародными молитвами, *Святая Церковь* Земная «среди Всенощного бдения и среди храма, с воплем крепким и со слезами, молит Господа Бога *молитвами всей Небесной Церкви*, — услышать нас, грешных, молящихся Ему, благоприятно сотворить молитву нашу, даровать нам оставление прегрешений наших, покрыть нас кровом крил Своих, отогнать от нас всякого врага и супостата (противника, неприятеля), умирить нашу жизнь, помиловать нас и мир Свой, и спасти души наша». Это молитвы — *Спаси, Боже, люди Твоя*, читаемые диаконом, и *Владыко Многомилостиве*, читаемая священником на литии.

4) Последняя часть Всенощного Богослужения, больше видимая и меньше понимаемая, есть внешний образ действий, имеющих место при его совершении. Богослужение назидает нас не одним языком словесным, но и языком действий.

Мы видим служителей Божиих — то действующих внутри алтаря, то исходящих в притвор, то появляющихся на середине храма или перед Царскими вратами, то обращающихся на Восток, то на Запад, выходящих Царскими или северными дверями. Видим каждение — близ алтаря или по всему храму; замечаем то уменьшение, то умножение света от светильников, и так далее. Всё это, кроме приятного впечатления и разнообразия, имеет важный духовный смысл и глубокое значение.

В самом начале Всенощной отверзаются Царские врата, как бы Небесного Царства, и священник возглашает славу Святой Троице, открывая верующим неисповедимую глубину естества Божия; а вслед за тем он призывает их поклониться Тому, через Кого единственно тайна эта сделалась доступной людям, то есть «Христу, Царевни и Богу нашему». После сего священник с кадиллом в руках, предшествуемый диаконом, несущим светильник, идет по всей церкви, чтобы никакая часть храма не лишена была света благодати Христовой и исполнения Святого Духа, образуемого фимиамом.

Огонь и фимиам в эту торжественную минуту напоминают также Творческий глас «Да будет свет» и Духа Божия, Который «носился над водой» во время творения мира; ибо во все время этого обхождения храма лики (хор) поют величественный Псалом пророка Давида: «Благослови, душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зело, вся премудростию сотворил еси», изображающий в самых вдохновенных стихах дивную картину мироздания.

«Господь одевается светом как ризою, простирает небо как шатер и полагает облака на восхождение Свое, ходит на крыльях ветра, творит Ангелов Своих пламенем огненным, основывает землю на тверди ее и дает ей одеяние — бездну. Воды боятся гласа Его грома и дан им предел, егоже не прейдут; источники в дебрях напоют зверей сельных, при них обитают небесные птицы; земля же насытится от плода дел своих, и хлеб сердце человека укрепит, Солнце познало запад свой и бысть ночь, во тьме которой скитаются дубравные звери,— взыскать себе от Бога пищу; но воссияет Солнце и — они в ложах своих лягут. Тогда выходит человек на делание свое до вечера».

Далее восторженный Давид прямо обращает речь свою к Господу: «Исполнилась вся земля твари Твоей; все от Тебя чают исполниться благ; отвратишь лице — и возмнутся (сокроешь лице Твое — мнутятся), отымешь дух — и исчезнут: но пошлешь Духа Твоего — и созиждутся, и обновишь лице земли: призираешь на землю — и трясется; прикасаешься горам — и дымятся. Буди слава Господня во веки! Пою Богу моему доколе есмь, да усладится Ему беседа моя... яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси!»

Но недолго человек наслаждался таким чистым созерцанием дел Божиих. Он пал, и рай сладости для него закрылся. Изгнание из рая первых людей изображается закрытием Царских врат, вместе с окончанием Псалма.

После первой ектений оба хора поют стихи, избранные из трех первых псалмов, как бы увещательные речи, летящие из утраченного рая. «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, — и путь нечестивых погибнет. Работайте Господеву со страхом и радуйтесь Ему с трепетом; блажени вси надеющийся Нань (на Него). Воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой; яко Господне есть спасение, и на людех Его — благословение Его».

Каждый выразительный стих этот отделен один от другого Ангельским припевом: Аллилуиа (с евр. — Хвалите Господа).

Хор, подражая изгнанному Адаму, как бы от лица всего человечества, подвинутого душевной болезнью (исполненного сильного беспокойства души) о своем падении, восклицает: «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя! Услыши мя, Господи, внигда воззвати ми (когда зываю) к Тебе. Да въздет молитва моя, как фимиам перед Тобой: воздеяние рук моих вместо вечерней жертвы».

В эту минуту диакон совершает каждение, знаменуя тем самым жертвы, которые приносились Богу от начала мира и предобразовали грядущую Искупительную жертву Богочеловека, а самим собой диакон являет служителей Божиих, которые посылались в мир для возвещения о Мессии.

Между тем хор продолжает звать: «Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени

Твоему», и начинает уже к стихам псалмов прибавлять другие стихи — новозаветные, изображающие празднество дня, как бы в радостном ожидании искупления.

«Аще беззакония назириши (если будешь замечать беззакония), Господи, Господи, кто постоит (устойт)? Яко у Тебе очищение есть». «От стражи утренния до ночи, от стражи утренния (в русск. Псалтири: «Душа моя ожидает Господа более, нежели стражи — утра), да упоает Израиль (так в Писании иногда называется Церковь Ветхозаветная) на Господа». И провидя, наконец, скорое спасение, восклицает: «Яко у Господа милость и многое у Него избавление, и Той избавит Израиля от всех беззаконий его. Хвалите Господа вси языцы». И при открывании Царских врат хор воспеваает Славу Троиединому Богу вместе с песнью о воплощении.

Во время пения «Богородична-Догматика» исходит из алтаря священник, во образ обещанного Спасителя, предшествуемый диаконом с кадилом и светильниками, как Предтечей и пророками, и при возгласе «Премудрость, прости!» снова входит в алтарь.

Лики (хор) поют трогательный вечерний гимн Спасителю: «О, Тихий Свет, Святой славы Бессмертного Небесного Отца, Святого и Блаженного, — Иисусе Христе! Мы, пришедшие на запад (ко времени захода) солнца, увидев свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа. Ты Один достоин во все времена быть воспеваемым голосами преподобных, — Сыне Божий, дающий жизнь! Поэтому мир Тебя славит».

Выразительный гимн этот ясно показывает, как на закате первобытного света, данного миру, и уже во время вечера человечества, воссиял для него Новый, Тихий Свет в Кротком Лице Спасителя, ради немощи смертных умерившего (уменьшившего) в Себе Бессмертную славу Небесного Отца.

После прокимна накануне праздников читаются пророчества и притчи, или «паремии», предзнаменующие подобиями и изречениями, взятыми из Ветхого Завета, события Завета Нового.

Усиливаются молитвы верующих: в ектении сугубой, после которой читается или поется умирительно: «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохраниться нам...»; в ектении просительной и на литии, для совершения которой священнослужащие выходят из алтаря к притвору: по древнему милосердному обычаю, с тем чтобы и кающиеся, которым запрещен был вход в церковь, могли хотя бы на короткое время участвовать в общей молитве. Здесь молятся о всякой душе христианской, скорбящей и озлобленной, кающейся и милости Божией требующей, и, призывая ходатайство всех Небесных сил и святых угодников, просят, чтобы Господь всем нам даровал оставление грехов и таким образом умирил нашу жизнь.

Возвращаясь от притвора в трапезу, или в храм, лики (хор) поют стихирь стиховны. Вечерняя приближается к концу: мы уже довольно насладились созерцанием Грядущего Спасителя миру; души и сердца наши — с верой и любовью — стремятся к Нему, все наши надежды и упования почил (пребывают) на Нем...

Вечерние наши молитвы оканчиваются умирительной молитвой святого Симеона Богоприимца, который после стольких лет ожидания, удостоившись, наконец, видеть и принять в свои объятия Мессию, радостно воскликнул: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, ибо очи мои видели спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех людей, свет во откровение язычникам и славу народа Твоего Израиля».

Здесь же, во время Ангельского приветствия Пресвятой Деве «Богородице Дево, радуйся...», настоятель благословляет хлебы, пшеницу, вино и елей (оливковое масло) для подкрепления верных (верующих), в древности молившихся всю ночь, и для напоминания нам о той духовной пище, которую ниспослал нам Господь, — это Хлеб истинный, сходящий с Небесе» в словесах Писания и других благодатных Его дарах, за которые *вознося хвалу Господу*, настоятель именем Господним благословляет предстоящих и молящихся в храме.

Затем начинается Утреня — воспоминание уже не образов и гаданий ветхозаветных, а событий Нового Завета.

Согласно древнему обряду, к началу шестопсалмия следует гасить все лампы (здесь: светильники), кроме малого света в алтаре и перед иконами Спасителя и Божией Матери.

Среди общего безмолвия и в полумраке звучит только один голос посреди церкви: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение...». Тривжды повторяемое, возгласение это напоминает Ангельское приветствие Вифлеемским пастырям в ночь Рождества Христова.

Потом чтец возглашает дважды: «Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу Твою», чтобы тем самым приготовить слушающих к большему вниманию: и начинает *шестопсалмие*, которое является внутренней беседой христианина со Христом, родившимся от Девы Марии и в яслях положенным, беседой словами утренних шести псалмов; посему чтение это всегда совершается с особым благоговением, и священник выходит из алтаря к Царским вратам — присоединить свои тайные молитвы к безмолвному молению паствы.

В первом Псалме шестопсалмия (Пс. 3) изображается твердое упование души на Бога.

Второй Псалом (Пс. 37) есть вопль болезненной (беспокоящейся) души, преследуемой бедствиями мира. Третий Псалом (Пс. 62) — это утренняя утешительная молитва. Слава и тройное Аллилуиа в честь Пресвятой Троицы отделяют три этих первых псалма от трех следующих, в которых пророк Давид то являет нищету свою перед Богом (Пс. 87), то проникнутый благодарностью при воспоминании о всех благодеяниях Божиих, велит душе своей благословлять Господа и всей внутренней сущностью своей — имя Святое Его и не забывать всех воздаяний Его (Пс. 102); наконец, в последнем Псалме (Пс. 142) еще раз он просит Господа — услышать его в правде Своей и не входить в суд с рабом Своим. Слава и Аллилуиа завершают псалмы.

После великой ектений оба хора громко и радостно поют: «Бог Господь и явился нам...» и как бы готовясь к его сретению (встрече) восклицают: «...благословен грядый во имя Господне!» Затем пением тропаря изображается торжество дня, вызвавшее их духовную радость. И в подражание древним христианам, все ночи на воскресные и праздничные дни проводившим в торжественном стихословии (чтении по стихам) Псалтири, читаются кафизмы со «Славами» («Славою» называется каждая из трех частей, на которые делятся кафизмы) и ектениями.

Наступает время *полиелей*: вся Церковь ярко освещается светом лампад (светильников) и еще ярче — духовным светом Евангельского благовестия, чтобы насладиться не только слышанием, но и самым зрением (видением) слова Божия, исходящего к народу из алтаря.

Во время открывания Царских врат оба хора попеременно воспевают избранные стихи из 19-й кафизмы с умиленным припевом — Аллилуиа, как бы исключительно посвященным утреннему Богослужению. «Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа!» — восклицает один хор; а другой в ответ ему поет: «Благословен Господь от Сиона, Живый во Иерусалиме»; и вновь первый призывает: «Исповедайтесь Господеви, яко Благ, яко в век милость Его»; второй хор поясняет эти слова, дополняя: «Исповедайтесь Богу Небесному», но то же убеждение звучит в устах обоих хоров: «Яко в век милость Его».

Само слово *полиелей* значит «многომилостивое».

Во время пения «Хвалите имя Господне...» предстоятель, знаменуя собой образ Самого Спасителя, со служащими исходит из алтаря и обходит всю церковь с благовонным кадилом и светильником: ибо всех просвещает свет Христов и посещает благодать Его.

Если совершается праздник Господень или Пресвятой Богородицы, или великого святого, — клирики поют перед праздничной иконой, лежащей на аналоии (аналое — высоком столе с наклонным верхом; на нем читается Евангелие, кладутся святые иконы) посреди церкви, — величание, а хор отвечает пением того же величания с припевами псаломских стихов.

Если совершается Всенощная воскресная, то все песнопения ее посвящены бывають памяти дивного Восстания Спасова из мертвых, и Евангелие всегда читается воскресное — одно из одиннадцати воскресных Евангелий, читаемых на воскресных Всенощных поочередно — одно за другим. Но перед Евангелием о Воскресении, в ожидании радостной вести, воспоминается раннее пришествие мироносиц (благочестивых женщин, приходивших помазывать благовонным миром Христа, лежавшего во гробе) и учеников к упраздненному (потерявшему значение) гробу и самое изумление Небесных сил при взирании на Божественного Мертвеца, всё Собою оживившего.

«Ангельский собор *удивися*, зря Тебе, в мертвых вменившаяся (считавшегося мертвым)...» Так Ангелы, но не так мироносицы: «Мироносицы жены, с миры (с миром — составом из благовонных веществ) пришедшия ко гробу Твоему, Спасе, *рыдалу*...» И эти два противоположных впечатления — Ангелов и человек соединяются в одну песнь трогательным восклицанием: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием (законам) Твоим», которое Церковь поет и над усопшим Христом — над Плащаницей в Великую Субботу, и над усопшими во Христе, в надежде Воскресения. А вслед за тем все верные призываются поклониться Богу вместе с Серафимами, поющими Трисвятое — Отцу и Сыну и Святому Духу.

После малой ектении поются или читаются в высшей степени назидательные и умиленные «антифоны — степенны». Они составлены по образцу псалмов Давидовых, составляющих 18-ю кафизму, каждый Псалом которой называется — «Песнь степеней» (см. псалмы 119— 133). Псалмы эти пелись израильянами (иудеями) в древности — в пути и на ступенях (степенях), ведших в храм Божий. Надо полагать, что и антифоны — степенны положено у нас петь или читать перед Евангелием на Всенощных бдениях для того, чтобы постепенно готовить христиан к нравственному восхождению и приближению к *Духу Христову*, сокрытому в Евангельском учении.

Ибо если взять во внимание все антифоны — степенны (которых в каждом гласе 9, а в восьми гласах — 72), то в них можно видеть удивительную, самую верную и по-степенную, так сказать, лестницу (лестницу), возводящую к нравственному усовершенствованию (см. книгу — «Октоих», епископа Модеста).

Жаль только, что большинству известны, хотя и самые умильные, но не многие антифоны — стихи 4-го гласа: «От юности моя мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой. Ненавидящий Сиона посрамится от Господа, яко трава бо огнем будете изсохше (высохнете, будете уничтожены). Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется (становится чистой, непорочной) Троическим единством священнотайне (через откровение Священных тайн)». Но по этим стихам можно судить и о содержании других стихов.

Когда же Евангелие, по его прочтении, кладется на аналой — верующим для поклонения и целования, то лики (хоры) или все молящиеся, уже как бы очевидцы Воскресения, поют: «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу... Ты бо еси Бог наш, разве Тебе (кроме Тебя) иного не знаем... Се бо прииде Крестом радость всему миру... Распятие бо претерпев, смертию смерть разруши».

Сознавая и чувствуя, что в такие торжественные минуты оставаться грешником уже нельзя, верующие, для очищения множества согрешений своих, прибегают и к молитвам апостолов, и к молитвам Пресвятой Богородицы, и к покаянному Псалму Давидову «Помилуй мя, Боже...», и ко всей Церкви Небесной.

И, помолвившись усердно, в воскресные дни верующие подходят к Евангелию, совершая перед ним поклонение и его целование, а в праздники — к святым иконам, при этом священник помазывает верующих освященным елеем для получения духовного и телесного освящения.

Между тем, когда верующие подходят к Евангелию или к праздничной иконе, чтецы и певцы начинают петь и читать «канон», или «правило», составленное из 9 песней, в честь Воскресения Христова, праздника Господнего или Богородичного, или известного великого святого.

Каноны введены в состав Утреннего Богослужения в седьмом и восьмом столетиях, и большая их часть написана красноречивым преподобным Иоанном Дамаскиным, другом его — преподобным Космой, епископом Майюмы (Майюмским), и другими святыми песнописцами, которые обогатили Церковь канонами на ее торжественные дни и определили самый напев их — на восемь разных голосов (гласов).

Первый стих каждой песни называется *ирмосом*, или связью всех других, по его образцу написанных, и основная мысль его заимствована из песней ветхозаветных.

На 9-й песни диакон с кадилом в руках, как бы вспоминая посещение Богоматерью дома праведного Захарии, приглашает верных возвеличить песнями Матерь Света; и хоры прославляют Ее собственной Ее высокой песнью, которую Она, Всеввятая, воспела при посещении праведной Елисаветы: «Величит Душа Моя Господа, и возрадовася Дух Мой о Бозе Спасе Моем», — а в припевах превозносят Ее: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим...»

Вслед за канонем читаются и поются «светильны» и три хвалебных псалма, соединенных с праздничными стихирами. В этих псалмах вся тварь — небо и земля — соединяются, чтобы воспевать славу Творца Своего. По их окончании священник при отверстых Царских вратах полагает начало великому славословию возгласом: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»

В древности настоятель произносил эти слова, обращая их к собранию верных, когда в конце Венощного бдения видел, наконец, что заря уже занималась на востоке; и христиане, прежде, чем разойтись, исповедовали еще раз, в одном великом и общем славословии, составленном из песней обоих Заветов, Божество Искупителя. Они начинали пение словами Ангелов,

прославивших Вифлеемского Младенца, и заканчивали Трисвятой песнью Серафимов, со славой Пресвятой Троице.

Нельзя не знать этой великой песни, от начала до конца ее, и не умиляться сердцем, особенно при ее обращениях к Кроткому Агнцу, вземлющему грехи мира и сидящему одесную Отца. Ветхий и Новый Завет отзываются в каждом стихе ее.

У нас она поется просто; но надо слышать эту песнь на Православном Востоке, чтобы иметь ясное понятие о ее торжественности. Там архиерей сходит на середину церкви, принимает в руки свечники (двусвечник — дикирий и трисвечник — трикирий) и, осеняя народ, возглашает: «Слава Тебе, показавшему нам свет!», а все духовенство вокруг него начинает петь вместе с ликами (хорами): «Слава в вышних Богу...»

Сугубая и просительная ектений, с молитвой главоприклонения, вслед за которой следует благословение настоятеля, завершают Утреню.

Первый час, читаемый вновь в полумраке, как и шестопсалмие, заставляет христианина углубиться в самого себя при слышании молитв его, по окончании которых священник еще раз выходит из затворенного алтаря и молит, чтобы Христос, Свет Истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, знаменал на нас свет (осиял нас светом) лица Своего... и исправил стопы наши к деланию (и направил ноги наши к исполнению) заповедей Его... Хор

громко и торжественно возглашает победительную песнь Божией Матери: «Взбранной (Призванной защищать, ограждать) Воеводе...», по окончании которой совершается отпуст (см. V и VI письма о Богослужении, А. Н. Муравьева)*.

III. Дневное Богослужение

Около полудня Церковь представляет нам самый Божественный предмет для молитвы, для размышлений и поучения — Третий час, Шестой час и Божественную Литургию.

День естественный есть неумолкающий проповедник величия и славы Божией, явленных в мире видимом через Творение и Промышление Творца Вселенной. День христианский есть проповедник того же величия и славы в мире христианском, явленных через Искупление и Восстановление рода человеческого. День каждого человека есть новая жизнь его, определяющая разные роды деятельности, связанные с теми же выгодами и неудобствами, с которыми связана жизнь наша вообще. Дневное Богослужение Церкви объемлет день наш в этих трех смыслах.

* Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874) — писатель, преимущественно на духовные и церковно-исторические темы. Один из главных трудов — «Письма о Богослужении Восточной Кафолической Церкви...». — Ред.

А. Третий час

С течением дня и со сменой часов изменяются потребности и характер нашей деятельности; псалмы и молитвы Третьего часа приспособлены особенно к этому изменению. Служба Третьего часа напоминает нам, с одной стороны, Страдания Господа от времени осуждения до шествия Его на Голгофу (Мф. 27, 27—32), а с другой — Сошествие Святого Духа на апостолов, последовавшее в третий час дня (Деян. 2, 15).

Псалмы на Третьем часе положены такие, которые содержат в себе указание на упомянутые события. Воспомяв Страдания Господа нашего Иисуса Христа, бывшие на суде у Пилата и Ирода, от третьего до шестого часа, Святая Церковь избрала для службы Третьего часа 16-й и 24-й псалмы, в которых пророчески изображаются, с одной стороны, наветы (козни, коварные выходки) и злоба иудеев на Искупителя, и Его безвинное страдание, а с другой — выражается внутреннее состояние Господа, окруженного неистовыми врагами. Это — молитвенный вопль страждущего: *Объяша мя, яко лев готов на лов, и яко скимен, обитаю в тайных (в русск. Псалтири: они подобны льву, жаждущему добычи, подобны молодому льву, сидящему в местах скрытых)... Виждь враги моя, яко умножишася, и ненавидением неправедным возненавидеша мя* (и какой лютой ненавистью они ненавидят меня)...

Воспомяв другое необыкновенное событие, которым в христианстве ознаменован третий (по нашему счету девятый) час дня, то есть Сошествие Святого Духа на апостолов в виде огненных языков, — Святая Церковь в 50-м, покаянном Псалме, положенном для чтения на этой же службе Третьего часа, и в следующих за ним тропарях — просит Господа очистить сердце наше и обновить дух наш благодатным действием Святого Духа: «Господи, **Иже Пресвятаго Твоего Духа** в третий час апостолом Твоим низпославый. Того, Благий, не отыми от нас: но **обнови нас**, молящих Ти ся». *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене.*

Молитва эта — самая необходимая для нас, потому что без благодати Святого Духа мы вообще бессильны на совершение дел благих, и потому, в частности, что ходим посреди сетей многих — соблазнительных, часто омрачающих сердце наше и колеблющих дух наш.

Завершается Третий час краткой, но весьма сильной молитвой святого Мардария ко Пресвятой Троице:

«Владыко Боже Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный Иисусе Христе, и Святыи Душе, Едино Божество, Едина Сила, помилуй мя грешнаго, и имже веси судьбами (и Тобой

установленными постановлениями, законами), спаси мя, недостойного раба Твоего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Совершая Третий час во умилении сердца и благоговейно, да размышляем о том, как Спаситель наш в третий час дня был судим Пилатом и какие тогда претерпел различные поругания и заушения (удары по уху, пощечины), как, привязанный к мраморному столбу, воспринял лютые раны, и вместе с ними — увенчание острым тернием, перенес и другие нестерпимые муки, чтобы нас освободить от мучительства (жестокое господства) диавольского. В то же время прилично размышлять и о том, как Дух Святой в третий час дня сошел на святых апостолов в огненных языках, — и таким образом размышляя, молить Господа, чтобы Он и нам подал Духа Святого к духовному просвещению и к достойному прохождению христианской жизни.

Если же вы почему-либо не совершите и не выслушаете Третьего часа, то сотворите за него 50 молитв Иисусовых и положите 7 поклонов.

Б. Шестой час

*Бе... час яко шестый... тогда предаде Его им, да распнется... И нося Крест Свой, иыде Иисус на глаголемое (называемое) лобное место, идеже пропяша (там распяли) Его (Ин. 19, 14— 18). Вот тот священный страшный час, о котором напоминает служба Шестого часа. Сообразно с целью установления этой службы избраны Церковью псалмы — 53-й, 54-й и 90-й. В них гадательно (таинственно) указывается отчасти на предательство Иудино (Пс. 54, 13, 14), отчасти на ненависть и убийство, совершённое иудеями, искавшими смерти Господа, отчасти на землетрясение и мрак, покрывавший землю от шестого часа до девятого (ст. 6), отчасти на победу над смертью и адом, отчасти же описывается история внутренних чувств Искушителя на Кресте. Он изображается Своей волей приносящим Себя в жертву за грехи мира: *волею пожру Тебе* (принесу Тебе в жертву) (Пс. 53, 8); а в Псалме 90-м внушается мысль о том, что уповающего с твердой верой на силу Креста Христова *Господь избавит и покрывает и явит ему спасение Свое* (ст. 14, 16).*

В тропаре Шестого часа молимся: «Иже в шестый день же и час на Кресте пригвоздей (пригвоздивший) в раи (в раю) дерзновенный (здесь: дерзкий) Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери (разорви, уничтожь), Христе Боже, и спаси нас!»

Главная мысль Шестого часа отобразена в стихе: «Спасение соделал еси посреде земли (т. е. в Иерусалиме) Христе Боже, на Кресте Пречистей руце Твои простерл еси, собирая вся языки (соединяя все народы)...»

В молитве святого Василия Великого читаем: «...Избави нас (Господи) от всякого всегубительного и мрачного прегрешения, и всех озлобити нас ищущих (ищущих сделать нам злое), видимых и невидимых враг. Пригвозди страху Твоему плоти наша и не уклони сердец наших (не дай уклониться сердцам нашим) в словеса или помышления лукавствия, но любовию Твоею уязви (здесь: воспламени) души наша...»

Совершая Богослужение этого часа, должно размышлять о том, как в шестой час, соответствующий нашему двенадцатому, Спаситель наш, неся Крест Свой, веден был на Распятие, и как немилосердно был пригвозден четырьмя гвоздями ко Кресту на Голгофе, между двумя разбойниками, как воины разделили одежды Его, и мимоходящие ругались (насмехались) над Ним, и разбойник, висевший ошуюю Его (слева от Него) хулил (поносил) Его, и какая тогда была тьма по всей земле (Учительное известие).

Если же не совершится и не выслушается вами Шестой час, то сотворите 50 молитв Иисусовых и положите 7 поклонов. Так требуется Святой Церковью (см. Правило это в конце Следованной Псалтири).

Кроме обычных часов, есть еще так называемые междочасия и часы, совершаемые в навечерие (накануне) Рождества Христова, Богоявления, в Великий Пяток (Пятницу) и на Пасху.

1. Часы и междочасия состоят каждый из трех псалмов, трех тропарей, одного кондака и нескольких весьма трогательных молитв святого Василия Великого, а все вместе они содержат в себе 24 псалма, столько же тропарей и молитв и восемь кондаков.

Они постоянно напоминают нам: а) о великих делах Божиих в мире вообще; б) о важнейших событиях в мире христианском; в) определяют образ жизни, достойный истинно христианского дня священного, — определяют чувства и потребности христианина, сообразно замечательнейшим часам каждого дня, то есть *первому* (или седьмому), *третьему* (или девятому), *шестому* (или двенадцатому) и *девятому* (или третьему по полудни) часам.

В наших Богослужбных часах особенно воспоминаются события того христианского дня, знаменательнее которого не было и не будет в мире христианском, — Дня Страданий Господних.

Мы часто не можем постигнуть глубокой Крестной скорби Искушителя нашего; часто не находим способа раскрыть эту Священную скорбь; а она раскрывается в псалмах наших священных часов, для которых главной темой служат слова Спасителя: *Аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче* (впрочем, однако) не Моя, но Твоя да будет воля. И еще: *Боже мой, Боже мой! Вскую* (зачем, почему) *Мя еси оставил?* (Мф. 26, 37—46; 27, 46).

Эти Боговдохновенные псалмы в известном смысле представляют собой историю внутренних чувствований, внутренней жизни Искушителя в последний великий день Его земного, уничтоженного состояния. А для истинного христианина ежедневное совершение часов есть ежедневная неумолкающая проповедь, живая история Таинства Искушения и вместе с тем — живой образ жизни христианской.

2. Но еще больше назидания содержат часы, совершаемые в навечерия Рождества Христова, Богоявления и во святой Великий Пяток.

Цари древней Греции (автор имеет в виду Византию. — *Ред.*) с особым благоговением присутствовали при совершении этих часов; и потому они получили название *Царских*. Ныне и народ мало посещает их; а они истинно Царские по Царственному величию духа, в них пребывающему, по торжественному тону и священной важности, в которую они облечены. Слушая их со вниманием, думаешь о том, что все древние пророки, все знаменитейшие сладкопевцы христианской Церкви в священный час стеклись (собрались) единодушно и согласно воспеть великие тайны — Воплощения, Богоявления и Страданий Искушителя.

Вместо обычных псалмов часовых, на Царских часах избраны такие псалмы, которые выражают дух и значение служебных (богослужебных) событий. В паремиях слышим глагол вдохновенной и пророчествующей древности, предсказывающей то или другое великое дело Божие. Чтения из Евангелий представляют историю события. Чтения из Посланий и Деяний апостольских выражают догматическую и нравственную мысль его.

Песнь церковная жива и торжественна более, нежели в обычных службах: то она в виде гимна изумляющего, славящего, призывающего небо и землю к хвале Всевышнему; то она как молитва изливается в святых чувствах благодарения и покорности Создателю Вселенной; то вводит лица событий действующими и трогательно беседующими...

3. Особого рода часы совершаются в продолжение Светлой седмицы. В них нет ни псалмов, составляющих как бы душу обычных часов, ни привычных молитв. Они суть одна торжественная, непространная (небольшая по объему) песнь, составленная из нескольких стихир, преимущественно повторяемых в пасхальной службе.

Эти стихиры суть: а) «Христос воскрес...» — тропарь Пасхи, выражающий сущность праздника и говорящий о плодах Воскресения Христова; б) стихира по (после) евангельская — «Воскресение Христово видевше...» — трогательно призывающая к поклонению Святому Господу Иисусу, Единому Безгрешному; в) умилительное ипакои (название некоторых песнопений; с греч. яз. — слушание, внимание) — «Предварившия утро яже о Марии (Те (жены), которые были с Марией перед утром)...» — в котором Ангел, собеседник святых жен, повелевает тещи (быстро идти, бежать) и миру проповедать, яко воста Господь; г) кондак Святой Пасхи: «Аще (хотя) и во гроб снизшел еси Безсмертне...»; д) к ним присоединяются еще три дивных тропаря — «Во гробе плотски (плотью), во аде же с душою яко Бог...», «Яко Живоносец (Носящий в Себе жизнь), яко рая Краснейший (Прекраснейший)...», «Вышняго (т. е. Самого Бога) Освященное Божественное Селение (Жилище, Храм)...».

На все четыре часа Церковь положила воспевать одну и ту же вышеуказанную службу, всякий раз повторяя ее. Этим она выразила мысль о том, что истинная, глубокая, духовная радость обнаруживается не в многословии, а через частое благоговейное повторение одних и тех же слов, одного и того же предмета своего великого торжества.

По Шестом часу положены — «Изобразительны», то есть изображение Литургии в малом виде, или служба вместо-литургийная, так же полная духа и жизни, как и другие службы.

Начало последования Изобразительных составляют псалмы: 102-й — *Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя Святое Его* и 145-й — *Хвали, душе моя, Господа. Восхваляю Господа в животе моем* (доколе жив, пока жив), *пою Богу моему, дондеже есмь* (до тех пор, пока я есть)... Каждый из этих псалмов в Служебнике по способу пения называется «антифон», то есть противогласник, ибо поются они двумя хорами поочередно, а по содержанию они — «Изобразительны».

В Псалме 102-м мы призываемся к упованию на Господа изображением милосердия Его к

людям. Этот Псалом побуждает все силы души к молитве, все чувствования к благодарению Бога за Его благодеяния, и как бы внушает нам, что если иногда нельзя приносить молитвы вместе с молитвами Богослужбного Церковного собрания, то всегда можно славить Господа внутренне на всяком месте.

Псалом 145-й служит как бы продолжением предыдущего Псалма: в нем также есть увещание — уповать на Господа и хвалить Его, хвалить Его всю жизнь, во всех обстоятельствах ее, доколе (до тех пор, пока) существует человек, и, значит, не только тогда, когда человек бывает на Богослужении, в собрании церковном, а всегда.

После этих псалмов поется, точно так же, как и на Литургии, песнь, изображающая Воплощение Господа: «Единородный Сыне и Слове Божий, Безсмертен Сый (то есть Суций, Вечный)...», и за ней следует пение «Блаженных» — стихов, в которых Господь Иисус Христос обещает блаженство за различные добродетели.

После молитвы ко Пресвятей Троице: «Помяни нас, Господи...», возносится славословие Троициному Богу: «Лик Небесный (множество Ангелов) поет Тя и глаголет: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф (Господь Воинств; Саваоф — с евр. род. мн. ч. — воинств, сил), исполнь Небо и земля Славы Твоя...». Затем читается исповедание веры православной — *Символ веры*, и исповедание согрешений наших в молитве: «Ослаби, остави (Прости, отпусти...)...».

Читается также молитва Господня: «Отче наш» и после возгласа священника читаются или поются кондаки. После кондаков произносится 12 раз «Господи, помилуй», читается молитва: «Всесвятая Троице...». Затем следуют — «Буди имя Господне благословено от ныне и до века», Псалом 33-й: «Благословлю Господа на всякое время...» и отпуст.

В Богослужбных книгах последование Изобразительных носит название «Обедницы», то есть службы, совершаемой дома или в храме вместо Обедни — Литургии.

При совершении Обедницы заповедуется благодарить усердно Спасителя за все понесенные Им лютые (жестокие) страдания, которые Он по Своей воле претерпел нас ради, чтобы навсегда избавить нас от мучительства (жестокое господство) дьявольского, и за излившую Им Пречистую Кровь Его, которой Он искупил нас от клятвы законной (клятвы закона), и, наконец, за Животворящую смерть Его, которой он оживотворил умерший грехом род человеческий.

Если вы не были при совершении этой службы и сами не совершали ее, то сотворите за нее 100 молитв Иисусовых и положите 10 поклонов.

В. Божественная Литургия

В христианской Православной Церкви нет Богослужения выше, святее, благоговейнее и спасительное Божественной Литургии.

Выше — потому что все другие службы церковные суть только приготовительные моления, сила которых и конец совершаются в Литургии. На Литургии прилично вспоминать слова песни церковной: «В храме стояще славы Твоя, на Небеси стояти мним (представляем себе)» или: «На Небо сердце имуще, Ангельский подражаем чин (Ангельскому чину подражаем)». Особенно при совершении Литургии храм наш представляет земное Небо.

Святее — потому что Литургия не есть только собрание молитв и песнопений, но в ней совершается одно из святейших и важнейших Таинств нашей Церкви — Таинство Евхаристии.

Благоговейнее — нет службы, которая бы требовала с нашей стороны большего благоговения, больше глубокого смирения и умиления сердечного, чем сколько требует их священная Литургия. Мы должны здесь с полной верой содержать в уме истинные и поразительные песни церковные, описывающие святость и величие Литургии. «Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом...», — возвещал святой Василий Великий, получивший откровение свыше — составить Литургию. «Ныне силы Небесные с нами невидимо служат...», — уверяет (утверждает) прозорливец святой Григорий Двоеслов, — «...се бо (ибо вот) входит Царь Славы...».

Нет для нас службы *спасительное* Литургии: потому что здесь верующие причащаются Животворящего Тела и Крови Искупителя своего во оставление грехов и в Жизнь Вечную; здесь воспоминаются живые и мертвые и соединяются все со своим Господом и Ходатаем; а без этого соединения нет и не может быть спасения.

Главный предмет и общее содержание Литургии представлены в *Новой Скрижали* так:

«Рассудила Церковь служить Литургию таким образом, да содержит в себе *все Таинство Вочеловечения Сына Божия*, и все дела Его, которые сотворил и явил Он для нас от начала до

конца, то есть от Рождества Своего даже до Вознесения, одесную (по правую руку) Бога и Отца седения (сидения) и ниспослания Духа Святого на ученики Своя и апостолы. Сей порядок дел Христовых в сочинении Литургии Василий Великий и (Иоанн) Златоустый сохранили и предали (передали). Ибо они в достохвальном сем чине сначала Христа Спасителя Рождение, потом Жизнь Его, смерть и, наконец, все то, что после смерти Его исполнилось, словами священными и знаками чувственными (здесь: видимыми) изложили, и в знаменованиях (обозначениях) таинственных яко видимое очами (дабы видеть (мы) их могли) изобразили, да наставятся сими чада Церкви в невещественные и премирные знания (да получают через них чада Церкви познание о невещественном, Небесном). Начало Жизни Христовой и в действиях первых — прежде освящения Даров совершаемых, средние Его дела в середине — при самом освящении, и конечные напоследии (последними) — после освящения Даров — расположили» («Новая Скрижаль», ч. 2, гл. 6, § 30).

Литургия, как преимущественное Богослужение Новозаветное, в котором Церковь торжественно воспоминает и живописует высочайшее Таинство Искупления, требует и преимущественного внимания нашего. Священнейшее Таинство Евхаристии в ней сопровождается такими священными действиями и многозначительными символами, что внимательный христианин действительно может видеть в этом Богослужении сокращенное изображение не только всей Жизни Господа и Спасителя нашего, но и всего учения Евангельского.

Господь, совершая Тайную Вечерю Свою, сказал святым апостолам: *Сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24, 25); и с тех пор повторяется эта Вечеря во всей христианской Православной Церкви и будет повторяться до скончания века (1 Кор. 11, 26). Божественная Литургия представляет собой Вечерю Господню, только для большего назидания нашего сложенную (соединенную) с некоторыми песнопениями и молитвами, переданными нам от древнейших святых пастырей Церкви*.

* По преданию известно, что в обширнейшем виде Литургия была передана Церкви Иерусалимской святым апостолом Иаковом, братом Господним; потом в сокращении она изложена святым Василием Великим, а в том виде, в каком она у нас обычно совершается, приведена святым Иоанном Златоустом. Литургия Златоустого совершается круглый год — ежедневно, кроме дней Великого поста, в которые положено совершать или часы с

Проскомидия

Перед Литургией совершается *Проскомидия* (с греч. — принесение). Это — сокращение Литургии, изображающее ее сущность в предварительных, *противообразных* (соответствующих образу, подлиннику) священнодействиях.

Полнота Церкви Христовой образуется из Церкви Небесной и Церкви Земной. Поэтому во время Таинственного Жертвоприношения Агнца Божия, Который жрется (приносится в жертву) за мирской живот (за жизнь мира) и его спасение, сначала воспоминается Церковь Небесная.

Священник изымает из первой просфоры Агнец, «в воспоминание Господа и Спаса нашего Иисуса Христа» и во образ Его;

потом из второй просфоры — частицу «в честь и память Преблагословенных Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии», предстоящей одесную Его, как Царицы Неба и земли, в ризах позлащенных одеянной и преукрашенной»;

затем из третьей просфоры — частицы в воспоминание: 1) честнаго славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна; 2) всех святых пророков ветхозаветных; 3) всех святых апостолов; 4) всех святых святителей; 5) всех святых мучеников и мучениц; 6) всех преподобных отцев и матерей; 7) всех святых безсребренников; 8) святых и праведных Богоотцев Иоакима и Анны, дневнаго святаго (то есть святого, память которого совершается в данный день) и всех святых; 9) святаго Иоанна Златоустаго или Василия Великаго, в зависимости от того, чья Литургия совершается.

Земная Церковь воспоминает и призывает в помощь себе, в важнейшее время своего действия, всю Небесную Церковь, образовавшуюся из святых людей, чтобы их молитвами посетил нас Бог. Но спасительные действия Божественной Литургии собственно касаются земных членов Царства Христова и тех, которые перешли от земли с верой и упованием к жизни Вечной на Небесах.

Поэтому священник из четвертой просфоры изымает частицы — а) за всех лиц иерархии и за весь священнический, или духовный чин; б) за

Благочестивейшего Императора и весь царствующий дом Его*; в) за тех живых христиан, которые заповедали священнику молиться о них;

г) наконец, из пятой просфоры — о памяти и оставлении грехов усопших Патриархов, Благочестивых Царей и Цариц, создателей храма; д) за других усопших, их же хочет иерей помянуть; е) за всех вообще усопших отец и братии наших по вере; ж) помянув всю Церковь Христову Земную и Небесную, служащий священник вынимает и за себя частицу, говоря: «Помяни, Господи, и мое недостойнство и прости ми всякое прегрешение вольное и невольное».

Здесь мы видим всю Земную Церковь и всех христиан, еще не достигших совершенства, всех живых и усопших членов благодатного Царства, чающих надежды живота Вечного (ожидающих в надежде жизни Вечной), и в важнейшую минуту собранных вместе для того, чтобы воспомянул их Господь и Владыка Вселенной в Небесном жилище Своем.

В Литургии находим осуществление и видимый образ той великой истины, что все верующие в Искупителя, от начала и до конца мира, — живые или мертвые, составляют единое тело, Единую Церковь, Глава которой, Основание и Жизнь есть Господь наш Иисус Христос.

Литургия оглашенных

В первой половине Литургии — до Трисвятой песни — замечательны следующие молитвы, песни и действия: предначинательное благословение Пресвятой Троицы, великая ектения, изобразительные псалмы, или антифоны, песнь — «Единородный Сыне и Слове Божий...» и вход с Евангелием.

«Благословено Царство Отца и Сына и Святаго Духа...», — возглашает священник, и тем самым напоминает верующим, что все они, как чада Благодатного Царства Божия, должны всегда благословлять и благодарить Промысл Троицкого Бога, устроившего наше спасение.

И вот мы, с чувством сынов благодати, начинаем — великой ектенией — молить Отца Небесного о мире и спасении всех.

В псалмах изобразительных 102-м и 145-м, в которых говорится о плодах пришествия Сына

Изобразительными, или Литургию Преждосвященных Даров, или Литургию Василия Великого. Литургия Василия Великого совершается только 10 раз в году: пять Воскресных дней Великого поста, в Великий Четверток (Четверг), в Великую Субботу, в навечерия Рождества Христова и Богоявления (если они приходятся на понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу) или в праздники Рождества Христова и Богоявления (если навечерия случаются в субботу и воскресенье) и в память Василия Великого 1(14) января. Литургия Преждосвященных даров совершается по средам и пяткам (пятницам) Великого поста, в четверток (четверг) 5-й недели (также в дни памяти 40 мучеников Севастийских, 1-го и 2-го Обретения главы Иоанна Предтечи), и в Понедельник, Вторник и Среду Страстной седмицы.

* В настоящее время — о властях и воинстве. — *Ред.*

Божия на землю, воспевая бесконечную милость, очищающую все беззакония наши, хранящую нас и всё в жизни нашей благоустрояющую.

Затем мы обращаемся к Самому Создателю и в песни — «Единородный Сыне...» славим всё благодатное Его о нас смотрение (провидение Божие).

Во время пения антифонов священник в алтаре читает тайно (про себя, не вслух) молитвы антифонов, в которых просит Бога благоснисходительно (с терпением; снисхождением) воззреть (посмотреть) на предстоящих людей, благословить их и сохранить, принять и исполнить к пользе их прошения.

После каждого антифона произносится малая ектения (содержащая в себе только начало и конец великой), «дабы, — как говорит преподобный Кассиан, — через эти ектений предстоящие могли чаще соединяться с Господом и не разленились бы от долговременного продолжения одного какого-либо действия».

Отверзаются Царские врата, и священник (или диакон — там, где он есть) износит Евангелие — в знак первого явления нам Господа Иисуса Христа, Небесного Наставника, грядущего возвестить миру слово жизни и спасения. Евангелию предшествуют светильники, напоминающие о пророках и преимущественно — о Предтече Господнем, светильнике горящем и светящем (Ин. 5, 35) и указывающем Агнца Божия, Вземлющего (Берущего на Себя) грехи мира. Диакон возглашает: «Господу помолимся», «Премудрость, прости» (встав и стоя прямо, «просто»), побуждая нас к самому строгому вниманию. Наконец, всех нас Церковь призывает воздать благоговейное поклонение Божественному Спасителю: «Приидите, поклонимся и припадем ко

Христу...».

После явления Святого Евангелия Церковь не тотчас приступает к чтению нам слова Божия: но сначала она учит чад своих воздать славу Пресвятой Троице и очистить сердца «Трисвятой песнию». Антифоны, по разумению Церкви, означают пророчества о плотском пришествии Христовом, — следующий после второго антифона стих «Едиnorodный Сыне...» проповедует совершившееся уже Воплощение Сына Божия от Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, а малый вход с Евангелием изображает вступление Его в подвиг проповеднического служения и хождение по градам и весям (села́м).

Посему диакон, предходящий с Евангелием, возглашает: «Премудрость, прости», чем возбуждает предстоящих к сохранению ума и сердца от всяких суетных помыслов и греховных движений перед лицом Самого Господа Иисуса Христа; а предстоящие, со своей стороны, побуждают друг друга к единомудушному поклонению Господу песнию: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу...»

Вслед за поклонением следует прославление величия Троицкого Господа — возгласом священнодействующего: «Яко Свят еси, Боже наш...» и «Трисвятой песнию», в конце которой испрашивается нам помилование Божие. Затем от горнего места — через священника — подается «Мир всем», и опять призывается наше внимание диаконским возгласом: «Вонмем. Премудрость. Вонмем».

Мы внимаем слову Божию сначала через чтение Апостола (так как через апостолов мы приводимся ко Христу, и уста их суть также уста Христовы), затем — через чтение Евангелия.

Непосредственно перед раскрытием этой святейшей сокровищницы словес Господних совершается каждение, знаменующее распространение повсюду благодати Евангельской. Священник, обращаясь к диакону, готовящемуся раскрыть Евангелие, напоминает ему, что Один «Бог дает глагол благовествующему силою многою...», и вновь привлекает внимание слушающих словами: «Премудрость, прости. Услышим святого Евангелия» и преподает им «мир». По раскрытии Евангелия лик радостно взывает: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!»

Церковь хочет, чтобы мы внимали слову Господню с желанием благодати Божественной, чтобы допустили в сердца наших действовать всей ее силе и — приступили к благовествующему в мире с великим усердием и радостью.

Выслушав Евангелие и краткую благодарственную песнь «Слава Тебе, Господи...», мы тотчас обращаемся к Богу с молитвой, называемой «прилежным молением», или — «сугубой ектенией». Эта молитва должна быть непосредственным следствием чтения слова Божия, а вместе с тем — и средством к лучшему раскрытию в нас силы этого Божественного семени.

Оканчивается первая половина Литургии молитвами об оглашенных и повелением им выйти из храма. В древности в это время выводились из храма не только оглашенные, то есть еще не принявшие Святого Крещения (но готовившиеся к нему и проходившие обучение — оглашение — истинам веры), но и публично кающиеся.

О чем же нам следует помышлять, когда мы не видим ныне исхождения из храма ни оглашенных, ни кающихся? Поищем в себе самих то, что в оглашенных и кающихся признавалось недостойным участия в Святейшем Таинстве. Отженем от себя (отгоним, искореним) всякое сомнение и маловерие, отвергнем все земные помышления и чувствования и таким образом оставим в себе одних истинно верных слушателей и участников «Литургии верных».

Литургия верных

В начале Литургии верных Церковь торжественно приготавливается к приношению Бескровной Божественной Жертвы — ектениями, готовящими нас к Высочайшему Священнодействию.

После раскрытия антими́нса (шелкового плата с изображением положения Господа Иисуса Христа во гроб и с частицей святых мощей, полагаемого на Престоле), по совершении двух ектений, прилежнейшего испрашивания милостей Божиих, — ектений, во время произнесения которых диакон напоминает нам о важности предстоящих священнодействий, а священник тайно читает молитвы, которыми, с одной стороны, благодарит Бога за то, что Он удостоил его предстать Своему Святому Жертвеннику, а с другой — просит укрепить его силой Духа Святого на предстоящее служение и услышать моление верующих.

Церковь окончательно приготавливает Дары для Таинственной Бескровной Жертвы, перенося их на Великом входе с жертвенника на Престол; и таким образом, когда отверзаются Царские врата, Церковь представляет второе торжественное явление Сына Божия — явление Его для принятия за нас Страданий и Крестной смерти. Так мы должны помышлять о Спасителе, когда совершается «Великий вход», или вход с приготовленными для освящения Дарами.

В каком расположении духа прилично быть тогда христианам, это весьма ясно показывает «Херувимская песнь», которая научает нас и тогда, когда представляем себе Господа, грядущего в

уничуженном виде, приветствовать Его как Владыку нашего, Господа Небесе и земли! Тогда же, в знак благоговения перед знаменами спасительных Страданий Господних, преклоняют верующие главы свои и вместе со священнослужителями молятся, дабы помянул Господь Бог во Царствии Своем высоких защитников и пастырей Церкви и всех православных христиан, и таким образом как бы прилагают к переносимым Дарам молитвы свои — для возношения их с Божественной Жертвой.

После входа и ектений «Исполним молитву нашу Господеви...» все присутствующие в храме приглашаются засвидетельствовать друг перед другом и перед Богом взаимную братскую любовь и общую их веру. Обновление в сердцах наших христианской любви весьма нужно в это

время, «да единомыслием исповема Отца и Сына и Святаго Духа».

Таким образом мы предстанем перед лицом Божественного Спасителя, присутствующего в Святейшем Таинстве, истинными исповедниками Его учения. Для этого же со всей Церковью повторяем мы и Символ веры вслед за возгласом диакона: «Двери, двери...!» и когда отверзается завеса Царских врат и священник, поднимая и опуская воздух (подобный платку покров, которым бывают покрыты Святые Дары одновременно и на дискосе, и в Чаше) над Святыми Дарами, изображает тем самым тихое веяние Святого Духа.

«Станем добре, станем со страхом...!» Это начало Святого Возношения.

«Стоять добре, — говорит святой (Иоанн) Златоуст, — ничтоже иное есть, разве аще (кроме как) стоять, якоже лепо есть (как и следует достойно) человеком предстояти Богу — со страхом и трепетом».

«...Вонмем, Святое Возношение в мире приносити!» То есть: да расположим себя к миру со всеми: и с Богом, и с ближними, и в мире будем приносить Святую Жертву.

«Милость мира...», то есть ту самую Жертву, Которая даровала нам Божию милость вечного мира с Богом, с самими собой и со всеми ближними, или «...Жертву хваления», то есть вседушевного славословия и всесердечного благодарения, мы не иначе можем приносить Всемилосердному и Всесвятому Богу, как только дерзновенно и неосужденно, как только в глубоком мире.

После приветствия апостольского: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа...* (2 Кор. 13, 3) вновь напоминает нам о важности настоящего часа: «Горе имеем сердца!» (умом и сердцем возвысимся над всем чувственным) — возглашает предстоятель, и мы, вместе с хором подтверждая это словами «Имамы (то есть имеем [сердца возвышаемые]) ко Господу», должны действительно вознестись духом превыше всего земного. Затем начинается совершение самого Таинства Евхаристии.

Священник, подобно Господу и Законоположнику (буквально — «Законодателю», то есть Тому, Кто установил ее, Евхаристию, как Закон) этой Таинственной Вечери, начавшему ее Благодарением (по-гречески «Благодарение» — Евхаристия) ко Отцу (Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24), призывает всех нас благодарить Господа; во время пения «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу...» он воссылает ко Отцу Небесному молитву благодарения, перечисляя в ней все благодеяния Божии, явленные нам в Творении, Промыслении и особенно Искуплении, за которые мы вечно должны благодарить Господа Бога.

Представим себе и мы тогда, каковы высочайшие благодеяния к нам Божий; поразмыслим о том, какая Благодать извела нас из ничтожества и привела в бытие, как Она взыскала нас (нашла и заботилась о нас) после бедственного грехопадения и сотворила всё, чтобы спасти погибавших. Она даровала грешникам Сына Единородного и отверзла Крестом Его Небо для земнородных (рожденных на земле). Возблагодарим Всемилосердного Бога за все Его бесчисленные к нам милости, ведомые и неведомые.

Возблагодарим и за дарованное нам новозаветное Богослужение, которое благоволил Всесвятой Бог принимать от нас, несмотря на то, что тьмы (множества) Ангелов служат Ему, и, созерцая победу Его благодати над нашим злом, славят Его, «Поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф...!»

Церковь учит и нас воспевать эту Серафимскую песнь; но к ней для нас, грешных, она прилагает (присоединяет) и песнь ветхозаветных отроков: «Осанна — спасение — в Вышних (на Небесах), благословен грядый (грядущий, приходящий) во имя Господне! Осанна в Вышних!» Церковь научает нас и тому, что спасение — от Господа, к нам грядущего и вместе с тем присутствующего в Вышних, — превыше Ангелов и всех Горних (Небесных) сил.

Священник, вспоминая установление Святой Евхаристии, произносит слова Самого Господа Иисуса Христа: *Примите, ядите, сие есть Тело Мое...* — затем: *Пийте от нея вси, сия есть Кровь моя...*

Из этого познаём, что спасение наше действительно не только в Вышних, но и среди нас:

с нами Господь! Мы слышим Его Божественные глаголы, через Его Пресвятые руки приносим

Святейшую Жертву и, не имея ничего собственного, Им благодетельствованные, воишем ко Отцу Небесному: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся, Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи...»!

Во время пения этого стиха да падет во прах (да смирится с благоговением и самоуничижением) душа верующая, ибо священнодействующий призывает Всесвятого Духа на предлежащие Дары (Хлеб и Вино) и совершает величайшее чудо всемогущей любви Божией, — не огонь сходит с неба, как некогда на жертвы ветхозаветные, а Сам Святой Дух Всесовершенный,

и Он прелагает (изменяет сущность, пресуществляет) Хлеб и Вино в Истинное Тело и Истинную Кровь нашего Спасителя. Поэтому после слов: «...Тебе благодарим, Господи, и молимтися, Боже наш» мы должны и телом пасть на землю (поклониться до земли, сделать земной поклон), дабы воздать Боголепное поклонение Господу, таинственно присутствующему на Святом Престоле, в Своем Пречистом Телe и Крови.

Так приносит Святая Церковь ежедневно Божественную, Умиловительную и Благодарственную Жертву «О всех и за вся»! Но как иногда невнимательны бывают иные присутствующие при этом святом действии, и как немногие, занимаясь житейскими делами, в домах своих или на работе — вне ее, думают о том, что совершается для них в это время в храме! Впрочем, и отсутствующим возвещается у нас о важности этого часа — посредством благовеста «к Достойно». Услышав этот звон церковный, каждый, хотя бы на две минуты, должен оставлять свои дела, свои занятия и присоединять свою молитву к молитвам Святой Церкви.

После освящения Даров следуют моления перед ними. Церковь, видя перед собой Возлюбленного Господа своего, как бы спешит возглаголовать (высказать) перед Ним всё, что есть на ее сердце.

Во-первых, с благодарением воспоминает она святых, тех же самых, которых поминала она на проскомидии и некогда украшавших ее на земле, а ныне ходатайствующих о Земной Церкви, самих же пребывающих в Церкви Небесной: «Изрядно же — преимущественно — благодарит о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице»; и молится, да посетит нас Господь по молитвам святых.

Потом творит моления за усопших в надежде Воскресения и жизни Вечной, молится за пастырей своих и служителей, за Царя и иже во власти суть и за христоролюбивое воинство*.

Яснее познаём пространство (величие, широту) любви к нам Матери нашей Церкви из молитвы святого Василия Великого.

«Помяни, Господи, — молится в этой молитве священник, — предстоящая люди и ради благословных вин (здесь: из-за обоснованных причин) оставльшихся (отсутствующих)... сокровища (здесь: имущество) их исполни всякого блага, супружества их в мире и единомыслии соблюди, младенцы воспитай, юность настави, старость поддержи, малодушныя утешь, расточенныя (рассеянные) собери, прельщенныя обрати...»

* В настоящее время — о властях и воинстве. — Ред.

стужаемыя (мучимые) от духов нечистых свободы, плавающим сплавой, путешествующим шествуй, вдовицам предстани (помоги, защити), сирых (сирот) защити...». Словом, все нужды и беды наши воспоминает Церковь и всем чадам своим испрашивает необходимые блага.

Но поскольку благо самой Церкви — благо всеобщее и оно должно быть главнейшим предметом молитв наших, что достигается преимущественно достойным служением пастырей, — то молиться за них, по наставлению апостола (Еф. 6,18,19) побуждаемся мы особенно возгласом священника: «В первых помяни, Господи, Святейший Синод...»* Другим возгласом «И даждь нам единими усты... славить и воспевати Пречестное и Великолепое (Блισταющее красотой, Великолепное) имя Твое...» указывается высочайшая цель христиан, о чем пишет апостол: *Дондеже (пока не) достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия* (Еф. 4,13).

Далее в ектений мы молимся о себе и друг о друге; да будет нам ниспослана Божественная благодать, да избавимся от всех зол и да проводим Богоугодно данное нам время жизни; а в конце ектений все — едиными устами и единым сердцем воишем к Богу Отцу словами молитвы Господней: *Отче наш...* И, в знак покорности Отцу Небесному, преклоняем головы свои перед Ним, умоляя Его, да устроит Он с нами всё во благо «Благодатию и щедротами и человеколюбием Единороднаго Сына Своего...».

Когда священнослужители причащаются Божественных Тайн в алтаре при затворенных Царских вратах, поется «причастен» (стих — обычно псаломский — поемый во время

причащения священниками и диаконами Святых Тайн), дабы мы размышляли о великих последствиях Крестной смерти нашего Господа, о сошествии Его во ад, об искуплении душ верующих и отвержении для всех Царства Небесного.

Когда отверзаются Святые двери, является Чаша спасения и мы слышим приглашение: «Со страхом Божиим и верою приступите!»

Следует поразмыслить нам, столь редко приступающим ко Причащению, о том, как далеки мы от чистоты древних христиан, за каждой Литургией причащавшихся Святых Тайн. Представляя же в явлении святой Чаши явление Господа по Его Воскресении, да падем, по крайней мере, к ногам Божественного Испытателя, как святая Мария Магдалина, хотя мы и недостойны прикоснуться к Животворящему Его Телу.

Когда затем еще раз являются нам Святые Дары при возгласе священника: «(Благословен Бог наш), всегда, ныне и присно и во веки веков!» благоговейно представим себе последнее явление Господа, припомним сладчайшее (самое радостное) обетование (обещание) Его — таинственно пребывать с нами до скончания века и, подобно апостолам, свидетелям Божественного Вознесения (Лк. 24, 52), опять поклонимся Ему до земли.

Когда слышим благодарную песнь: «Да исполнятся уста наша...» и последнюю ектению — благодарение за Причащение Святых Тайн, благодарим и мы за то, что Господь сподобил нас быть, в некоторой мере, созерцателями Пренебесных (выше Небес находящихся) Тайн Своих. Но, готовясь к исхождению из храма, примем напутственную молитву пастыря, которую произносит он не в алтаре, а среди нас, как отец среди детей, и — его благословение в «отпусе». Приняв всё это с верой, мы наилучшим образом сохраним в сердце те сокровища, которые приобрели при слушании Литургии (то есть во время молитвы за Литургией).

Наконец, когда затворяются Царские двери и мы воздаем последнее поклонение святыне Господней, подумаем и о том великом совершении (завершении, конце) всего, когда затворится навеки Чертог Царства Небесного и уже не будет нам времени для покаяния.

С молитвой святого старца Симеона *Ныне отпуцаеши (отпускаешь) раба Твоего, Владыко... с чувством любви и благодарения ко Спасителю нашему изыдем из храма.*

Литургия Преждеосвященных Даров**

начинается Вечерней, но возгласом Литургии: «Благословено Царство...» и имеет особенности.

Так, после первой паремии, но перед началом второй, священник, имея в руках кадилицу (кадило) и свечу, возгласает, обратившись к народу: «Свет Христов просвещает всех!» Тем самым он указывает на таинственный смысл чтений ветхозаветных, через которые сияет Свет Христов, просвещавший праотцов и пророков.

После второй паремии все мы, присутствующие в храме, преклоняем колени с песнью святого пророка Давида «Да исправится (да направится) молитва моя...» (Пс. 140) и просим Господа, да будет молитва наша принята Им с

* Ныне — «Великаго Господина и Отца нашего (имярек), Святейшаго Патриарха Московскаго и всея Руси». — *Ред.*

** Эта литургия называется так потому, что совершается на Святых Дарах, освященных заранее (прежде) — за Литургией святого Иоанна Златоуста или за Литургией святого Василия Великого. — *Ред.*

благоволением, как благоухание кадила, как Жертва вечерняя. Вместе с тем мы умоляем Его, да положит Он хранение устам нашим, склонным к празднословию и осуждению ближнего, а сердца оградит от лукавых помыслов, извиняющих (и оправдывающих) наши грехи.

Перенесение Святых Даров предваряется и сопровождается особой песнью: «Ныне силы Небесныя с нами невидимо служат; се бо входит Царь Славы, се Жертва Тайная совершенна доносится (здесь: торжественно и благоговейно переносится). Верою и любовию приступим, да участницы жизни Вечныя будем. Аллилуиа!»

При перенесении Божественных Тайн, как при шествии Царя Славы, в храме воцаряется глубокое молчание, и мы все приклоняемся до земли, воздавая Боголепное поклонение Телу и Крови нашего Господа и Спасителя.

За этой Литургией не бывает освящения Даров, и мы, тотчас по перенесении Святых Тайн на Престол, молимся перед ними, как перед Всесовершенной Жертвой, да примет ее Бог в Пренебесный и Мысленный (здесь: Духовный; не доступный чувственному восприятию) Свой Жертвенник и да возниспослет (ниспошлет) нам Божественную благодать. Моление это

оканчивается молитвой Господней; и после возгласа «Преждеосвященная Святая — святым» следует Причащение Святых Тайн.

Заамвонная (то есть читаемая «за амвоном», практически посреди церкви) молитва читается особая, соответствующая времени поста. В ней мы благодарим Господа, введшего нас в эти пречестные дни для очищения души и тела, и просим, да подаст нам Всеблагий Бог течение (прохождение) поста совершить в подвиге добром, сокрушить невидимых змиев и, неосужденно окончания поста достигнув, поклониться Святому Воскресению.

Это значит, что на время Великого поста Церковь смотрит как на шествие по духовной пустыне; ведя же через нее чад своих, она желает им быть победителями всех врагов спасения, и, таким образом, с духовной радостью и торжеством придти к светлым дням Святой Пасхи.

Архиерейское служение Литургии

Для более ясного понимания полноты Литургии представляем размышления об архиерейском ее служении.

Архиерей входит в западные двери храма и тихим гласом глаголет: «Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему во страхе (страхе) Твоем: Господи, настави мя правдою Твоею враг (врагов) моих ради, исправи (выровняй) пред Тобою путь мой».

Встречают архиерея священники, один из них — с крестом, и диаконы с кадильницами. Хор поет: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу...», в двенадцатые праздники — ирмос 9-й песни канона на утрени*. Первое приготовление архиерея к священнодействию — это входная молитва перед затворенными Царскими вратами и закрытыми завесой (занавесом при Царских вратах).

Затем архиерей является среди народа, на возвышенном месте в центре храма — на архиерейском амвоне (облачальном месте, рундуке), потому что служение его должно быть видимо всей церкви для ее назидания; но является он здесь в одежде простой, обыкновенной, напоминая тем самым неузнанное сначала явление Христова в смиренной одежде человеческой. А поскольку святитель во время священнодействия представляет собой не только ближайшего служителя Христова, но являет отчасти и образ Самого Христа, то ему нужно теперь облечься в священные одежды, означающие Хриstopодражательные (в подражание Христу) свойства и добродетели. Одежды эти приносят ему диаконы (или иподиаконы), как Ангелы, из алтаря, как бы из невидимых хранилищ благодати, и облачают его, как знаменьями (то есть каждая из священных одежд имеет свою символику, определенное духовное значение, о чем см. ниже); между тем другие диаконы оглашают таинственное значение каждой из этих одежд.

Сначала надевают на архиерея *стихарь* (подризник) — в знамение чистоты и веселия духовного; затем *епитрахиль* — знамение ига Христова и благодати, изливающейся в священстве; далее *пояс* — знамение силы Божией и готовности к служению; *поручи*, дающие свободу священнодействовать, — в память об узах Христовых; *наколенник* (палицу) — для напоминания о лентии (полотенце) Христовом и о том, что духовный подвижник должен быть вооружен духовным мечом — глаголом Божиим; потом верхнюю ризу — *фелонь***, или *саккос* — изображающий багряную хламиду (царскую накидку — порфиру) поруганного Христа или вретнице (рубце) покаяния.

* Вместе с ирмосом поются (или не поются) припевы, взятые из 9-й песни канона. В подобных случаях ирмосы 9-й песни канона называются «застойниками», поскольку они поются «вместо Достойно». — Ред.

** Стихарь — богослужебная одежда диаконов, епитрахиль (у диакона — орарь), пояс, поручи, набедренник (или наколенник) и фелонь — богослужебные одежды и пресвитера.

Но существенный знак архиерейства есть *омофор* — нарамник (то есть надеваемый на рамена — на плечи), знаменующий не только иго Христово, воспринимаемое служителем Христовым, но также иго, которое воспринял на Себя Сам Христос, то есть естество человеческое, которое Он, как Благой Пастырь заблуждшую овцу, поднял на рамена (плечи) Свои и принес в дом Отца Небесного.

Как явный и ближайший последователь Христов, святитель принимает на перси свои (на грудь свою) *крест*; а дабы он помнил, что должен иметь в сердце своем, ему возлагают на сердце (собств. — на грудь) *панагию*, то есть образ Пресвятой Богородицы с Предвечным Младенцем или образ Самого Господа Иисуса Христа; наконец, венчают его, как духовного

Владыку в своей Церкви, — *митрой*.

Под ноги ему кладут *орлецы* — для указания на **выспреннее** (возвышенное) стремление горе (вверх, к Престолу Божию). В руки дают *трикирий* и *дикирий* — свещники с тремя и двумя свечами (в знамение света Святой Троицы и двух естеств в Спасителе — Божественного и Человеческого), которыми он осеняет народ — на восток, на запад, на полдень (юг) и на север, как осенением Святого Духа.

Диакон напоминает ему о долге его звания евангельскими словами: «Тако да просветится свет твой пред человеки...», а лики (хоры) приветствуют его пением — «Ис полла эти, Деспота» — «На многая лета, Владыко».

Отдав диаконам свещники, архиерей садится, и начинают часы; встает он только на Аллилуиа, на Трисвятое и на Честнейшую. Во время чтения часов выносят из алтаря «рукоумывало», и умывает руки, «седя» (сидя). В то же самое время архиерей посвящает в стихарь и во иподиакона (если есть посвящаемые).

По окончании часов служащие архимандриты, игумены, протопресвитеры (собств. протоиереи) и пресвитеры (священники), облачившись в алтаре, выходят из него южной и северной дверями и, поклонившись архиерею, становятся по чину, с правой и с левой стороны от него. Эти исхождения из алтаря и вхождения в него напоминают слова Евангелия: «Отселе узрите (отныне будете видеть) Небо отверсто, и Ангелы Божий восходящии и нисходящии над Сына Человеческого (к Сыну Человеческому)» (Ин. 1, 51).

По прочтении часов епископ встает и тихо молится: «Царю Небесный...», «Слава в вышних Богу...», «Господи, устне мои отверзеши...», а диаконы подходят к епископу, напоминая: «Время сотворити (здесь: совершить Священную Службу) Господеви...», и просят благословения

на свое служение при Литургии. С ними первенствующий из протопресвитеров (протоиереев) поклоняется Владыке, идет в алтарь южной дверью, *вшед, повелит диакону Царския двери отворсти* и начинает: «Благословено Царство...».

Во время «мирной ектении» архиерей «седя» читает молитвы «Предложения» (то есть жертвенника, на котором готовятся к Литургии Святые Дары, каковые также называются «Предложением», пока они пребывают на жертвеннике): «Боже, Боже наш...» и прочие три молитвы — «Согласия» (то есть единодушия в молитве). Встает же только «в возгласы» и на «Единородный...».

Старший пресвитер начинает Литургию благословением Царства Пресвятой Троицы, подобно тому, как праотцы и пророки возвещали славу Божию и благодать Христову прежде, чем Сам Христос открыл (начал) дело спасения рода человеческого.

Великая ектения, или протяжная (протяженная, продолжительная) молитва, заключает в себе всё, о чем должны мы благоразумно просить у Бога для нашей жизни, начиная с высшего (свыше являемого) мира и спасения душ наших и заключая совершенной преданностью (предаванием, отдаванием) самих себя и друг друга и всей нашей жизни Христу Богу, при заступлении (заступничестве) Пречистой Девы и всех святых.

Что может быть трогательнее молитвы о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их? Но здесь от милосердного oka Церкви не укрылось (не осталось незамеченным) ни одно бедствие человечества: даже и невидимый мир участвует в ее всеобъемлющей любви, когда она молит о всех прежде почивших отцах и братиях, где лежащих и повсюду, православных. На велегласные (громкие) приглашения диакона к этой молитве народ в лице хора отвечает: «Господи, помилуй... Тебе, Господи...», пресвитеры же, следуя тайной молитвой за словами диакона, всегда в конце ектений возглашают хвалу Троициному Богу.

Между великой и двумя малыми ектениями, поются на оба хора *антифоны*, то есть попеременные песнопения, составленные отчасти из целых псалмов, отчасти из избранных (псаломских) стихов, относящихся к празднеству дня.

Этот вид пения установлен святым Игнатием Богоносцем, которого ребенком благословил Спаситель в числе приведенных к нему младенцев. Тайнственное видение Ангелов, возглашавших друг другу славу Божию, внушило эту мысль святому Игнатию и он передал ее Церкви.

А в VI веке император (Византийский) Юстиниан принес благоговейно в дар Церкви высокий гимн свой, во славу Единородного Сына Божия. Гимн этот поставлен в конце второго антифона, чтобы песнью о Воплощении запечатлеть истину пророческих вдохновений.

Начинается торжественный вход с Евангелием. Епископ встает со своей кафедры и тайной молитвой «Владыко Господи...» готовится ко входу в алтарь. Созерцая в Евангелии как бы присутствие Самого Христа, целует его, и, подражая Иоанну Предтече, который, увидев грядущего Спасителя, воскликнул: «Се (Вот), Агнец Божий, Возмляй (Который берет на Себя) грехи мира», — первый призывает верных к поклонению Ему словами: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу: спаси ны, Сыне Божий...».

В Евангелии — свет Христов, и ближайшее действие молитвы есть духовный свет в душе, а потому при пении этой молитвы архиерей осеняет верных светильниками, как бы Божественным светом, окруженный и поддерживаемый священнослужителями, «косно (неспешно) и тихо» идя в алтарь, вновь осеняет направо и налево народ, отдает протодиакону трикирий, целует Царские врата справа и слева и затем — Престол.

Молитва: «Спаси ны, Сыне Божий...» «переходит» с середины храма на клирос, а оттуда — в алтарь. Архиерей принимает кадило и благоуханием фимиама, во-первых, воздает честь Престолу Христову, кадит алтарь и жертвенник, а затем и церковь, изображая тем самым действие глубокой внутренней молитвы, — усладительное (доставляющее радость, удовольствие, наслаждение) веяние Святого Духа. В ответ на каждение церковь приветствует святителя пожеланием ему многих лет, по обычаю — на греческом языке («Ис полла...»); и сам архиерей вслед за тем взаимно приветствует желанием многих лет всю церковь, начиная со Святейшего Синода* и Императора*, которое диакон и клир возглашают, а он запечатлевает осенением рук своих.

После каждения архиерей вновь приступает к молитве — еще более внутренней, потому что она начинается в алтаре — у самого Престола Христова и отсюда переходит в церковь, молитве — еще более возвышенной, потому что она относится непосредственно к Пресвятой Троице.

Святитель в первый раз возглашает сам, прославляя святость Божию: «Яко Свят еси, Боже

наш, и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно...», и, возвращаясь к своей тайной молитве, не оканчивает славословия, а в знак единства предоставляет доверить его диакону, обращающемуся к церкви с восклицанием «...и во веки веков».

Трисвятая песнь, возглашаемая на клиросе и в алтаре, также сопровождается светом светильников. Архиерей берет дикирий и крестообразно касается его основанием лежащего на Престоле Евангелия, как источника света; потом обращается к народу и, держа в одной руке светильник, в другой — крест, крестообразно осеняет с амвона всю церковь — на запад, на полдень (юг), на север и на восток с трогательными словами: «Призри (Посмотри) с Небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей и — утверди и (утверди его, виноград), егоже насади десница Твоя».

Церковь видит в этом осенении не только двоякий свет дикирия — знамение двоякой природы Христовой (Божественной и Человеческой), но и спасительную цель Его Воплощения — Крест. Когда же архиерей возвращается в алтарь уже не только к Престолу, но далее — к востоку — на «Горнее место», во изображение Христова Вознесения и седения одесную Бога Отца, то, взяв трикирий, из этой более глубокой внутренней части святилища еще раз осеняет всех Троицеским Светом Божества, Живущего во Свете Неприступном.

Начинается чтение Апостола, во время которого епископ сидит на Горнем месте, как преемник апостолов, а по обеим сторонам от него сидят пресвитеры, как его сослужители. Но перед чтением он снимает с себя и отдает омофор, дабы сей знак, некоторым образом Христов, предшествовал Евангелию Спасителя, когда его будут выносить для чтения, и дабы в то же время представить себя смиренно стоящим наравне с прочими учениками Слова Божия — в одной только митре, отличающей его от других. По окончании же чтения Евангелия святитель сходит с Горнего места, вновь становится перед Престолом для молитв, возносимых в следующих ектениях — сугубой, об умерших, об оглашенных и прочих — до Херувимской песни.

Поется Херувимская песнь — творение императора (Византийского) Иустина и совершается воспоминание шествия Царя Славы на вольные Страдания и Крестную смерть. В Херувимской песни слово — «дориносима», или «копыеносима» в точности отображает ту картину, которую хотел показать Иустин.

* В настоящее время — Святейшего Патриарха Московского и всея Руси (имярек) и властей — *Ред.*

Римские воины при возглашении (имени) новоизбранного императора обычно поднимали его посредине легиона (отряда войска, численностью около 6 тысяч воинов) на щите, поднимаемом в свою очередь на копьях, и таким образом император являлся поверх окружавших его копий.

В церкви мы видим похожую картину: после слов «отложим попечение» появляется диакон, как бы один из невидимого легиона (здесь: великого множества) Ангелов, поднимающий над головой, на дискосе (священном богослужебном блюде), как на щите, Царя всех, в смиренном виде Агнца.

Перед самым великим входом всегда поражают слух благодетельные (приводящие к созиданию блага, к творению добра) слова «отложим попечение», и как своевременно извлекают

они грубый ум из помыслов житейских!

Тогда сам архиерей, в Царских вратах омыв в освященной здесь же его молитвой воде* очи и руки, чтобы чисто созерцать и действовать, и трижды простирая (воздвизая) руки в молитве перед Престолом, идет сам творить молитвенное воспоминание живых и мертвых над жертвенником и отпускает (отдает) приуготовленного Таинственного Агнца для страшного Его принесения в жертву на Престоле за грехи людей.

Христиане ожидают сего торжественного шествия, втайне (про себя, без возгласения) поминают своих родных и молят, с преклонением главы, идущих мимо пресвитеров, чтобы помянули и их самих перед Господом.

Песнь святого Василия Великого на это же мгновение, которую поют только однажды в году, в Великую Субботу, еще умильнее: «Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет; Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь (в духовную пищу) верным. Предходят же Сему лица (хоры, множества) Ангельстии, со всяким Началом и Властью (Начала и Власти — чины Ангельские), многоочитии Херувими и шестокрылатии Серафими, лица закрывающе и вопиюще песнь: Аллилуиа».

Вместе со слышанием этой песни мы видим ее как бы изображение в лицах: диаконы (или иподиаконы) в образе Ангелов, *предыдут* (идут впереди) *со свечами*; другие веют над диском и сосудом (Чашей) *рипидами* (кругами на длинных рукоятях) с изображением Серафимов; иные

облекают (окутывают) все шествие облаками *фимиама*, как бы приготовляя Ему воздушную стезю (тропу); один несет на плече своем *воздух* (большой плат, или покров, которым покрываются Святые Дары — вместе и дискос, и Чаша), память о погребальной плащанице Христовой; другой несет *омофор*, — знак вочеловечения, с сияющим на нем крестом; старший диакон высоко держит над главой *дискос*, или блюдо, на котором лежит покровенный Агнец; за ним старший пресвитер с *Потиром*, Чашей, готовой скоро исполниться (наполниться) Кровию Христовой; далее следуют постепенно (последовательно) в руках перейских орудия Божественного Страдания: *крест*, *копие*, *губа*, которая напоила Его желчью, и *лжница*, дающая вкушать (священный сосуд в виде ложечки, которым преподается) Тело и Кровь Его верным (мирянам).

Архиерей — без митры и омофора — раболепно встречает это изобразительное (образное) шествие в дверях Царских, сам творит поминовение и, поставляя дискос и Чашу на Престол, как бы во гроб, подобно праведному Иосифу Аримафейскому, воспоминает его подвиг, произнося: «Благообразный Иосиф с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив, и благоуханными во гробе нове закрыв положи».

Снова выходит диакон к народу и призывает исполнить (совершить) молитву Господеви: но уже прошения его не касаются благ земных и временных, а простираются единственно — к благам духовным и Небесным. Он молит об Ангеле Хранителе, о том, что есть доброго и полезного душам нашим, о прощении грехов, о провозждении нашей жизни в мире и покаянии и о христианской ее кончине, с добрым ответом перед Страшным судилищем Христовым.

Какие назидательные прошения и молитвы! Затем мы услышим со всей церковью пожелание мира из уст святительских, и диакон приглашает христиан ко взаимной любви, дабы они могли единомысленно исповедовать — и хор договаривает за всех: «...Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную», показывая тем самым, что все мы сохраняем взаимную любовь и с любовью исповедуем Истинного Бога.

Прежде во время этого пения все христиане целовали друг друга; теперь одни только священники в алтаре целуют руку и плечи у архиерея и друг у друга.

* Как сказано в «Чине, бываемом на хиротонию иподиакона», «...И помазует архиерей тою святою водою очи свои, уши, ноздри и устне. ...И егда (после того, как) архиерей примет Святаю (Святые Дары) и служащие вси пройдут во олтарь, рукополагаемый же иподиакон, поклонився архиерею, несет воду на правой и левой клиросы и к народом, и помазуются тою водою вси. И отводят его паки во олтарь и сливают оставшую воду в кладязь». («Чинovníк архиерейского священнослужения». М., Синодальная типография, 1907, л. 131 об.).—Ред.

Диакон взывает: «Двери, двери, премудростию вондем». А церковь поет Символ веры: «Верую...». Архиерей преклоняет главу к Престолу: служащие священники веют над Святыми Дарами и его главой воздухом. В древности в это время закрывались двери храма от неверных и еретиков; теперь верующие должны закрыть свои чувства и оградить их от рассеянности. Диакон

еще раз призывает верных ко вниманию такими сильными словами: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире приносить» и удаляется в алтарь.

В ответ на возглашение диакона лик поет: «Милость мира, Жертву хваления». То есть — будем, вспоминая великую милость Божию, Крестную смерть Спасителя, даровавшую нам глубокий мир с Богом, с самими собой и с ближними, — будем приносить за нее Богу Жертву хваления, или — Евхаристию.

Тогда в последний раз, для возжжения (возгревания) усердия в народе перед освящением Даров, исходит к народу епископ, держа в руках свечники и, подняв их к небу, сначала преподает верным три духовных дара от каждого Лица Святой Троицы: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви (любовь) Бога и Отца, и причастие Святаго Духа...» (общение во Святом Духе); и молит всех: «Горе имеем сердца», и, получив от верных ответ: «Имамы ко Господу!», епископ, осеняя их, восклицает: «Благодарим Господа!» и возвращается к Престолу Божию. Настали самые важные минуты Литургии: начинается Приношение Бескровной Жертвы; звон колокола побуждает к вящшей (к большей, к более усердной) молитве не только предстоящих, но и отсутствующих; церковь поет: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней».

Святитель перед Престолом воспоминает все дивные и несказанные благодеяния Господа роду человеческому, начиная от сотворения мира до Его Искупления, приходя более и более в восторг (в возвышенное состояние) и как бы не находя уже человеческих слов для воздаяния (принесения) достойной хвалы Богу, восхищается (возносится) до Небес, слышит там с пророком Исаией Серафимскую песнь, видит с пророком Иезекиилем таинственные образы — орла, тельца, льва, человека — и восклицает: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще».

Хор, участвуя в его восторге, отвечает сначала словами самих Ангелов — как бы на Небе: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоя!».

Потом и на земле приветствуют Господа кликами (восклицаниями) ветхозаветных отроков, изшедших некогда с пальмовыми ветвями на сретение (встречу) Сына Давидова: «Осанна в Вышних! Благословен грядый во имя Господне!». «В сие мгновение, — говорит святой Иоанн Златоуст, — многие святые мужи видели внутри святилища Ангелов, сослужащих им и со страхом предстоящих Трапезе».

Восторженный (вознесенный) до Небес ум святителя и воспламененное любовью сердце, в Ангельских славословиях, молитвенно от славословия Святой Троицы движется вслед за Спасителем мира, с Неба переносится на землю — в ту беспримерную ночь, в которую Он предан был за мирской живот (за жизнь мира) — в ту горницу велию, в которой Он установил Таинство Евхаристии — в вечное Его воспоминание, и, указывая на Святой Хлеб, произносит слова Господни «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», а на Чашу — «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов».

Вспомняв эту спасительную заповедь (здесь: наставление, указание, поручение) и всё, для нас бывшее: Крест, гроб, Воскресение, Вознесение, одесную (по правую руку) сидение и Второе пришествие, святитель вновь возносится горе к Богу Отцу с этим вольным (добровольным) Сыновним приношением и — вместе с этим — принося Ему эту Словесную и Бескровную Службу, эти Дары — Хлеб и Вино (поднимаемые крестообразно сложенными руками диакона), возглашает: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся...».

Умиленно при этом он просит и молит Отца Небесного о ниспослании Духа Святого на себя и на предлежащие Дары, которые, с произношением тайнодейственных слов, благословляет притрепетно (исполненный трепета) крестным знамением: *Хлеб*, глаголя: «И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего», *Чашу* — «А еже в Чаши сей Честную Кровь Христа Твоего», *обоя* (то есть вместе и Хлеб, и Чашу) «Преложив Духом Твоим Святым...»!

Тогда имея перед собой уже не Хлеб и Вино, но Истинное Тело Христово и Истинную Кровь Христову, он и все сослужащие благоговейно простираются ниц перед Сверхъестественным Таинством, каковое дерзнул совершить смертный по благодати Святого Духа. Во всё же время этого Великого действия лики поют благоговейно: «...Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш!».

И нельзя в эти минуты не петь, не благословить, не благодарить Господа и не молиться Ему: Небо теперь всё — со всеми Небожителями — здесь.

«Что творишь, о брат мой! — говорил некогда святой Ефрем Сирин (†ок. 373—379) рассеявавшимся (отвлекавшимся) в эту страшную минуту, — что творишь! Не обещал ли перею горе имети сердце, и не страшишься ли в час сей обретаться лживым! О, великое чудо! Агнец Божий ради тебя закаляется, все силы Небесные с перею за тебя молятся, Кровь Христова

вливается в тайную Чашу за твое очищение, а ты не стыдишься, не оплакиваешь самого себя в сие мгновение, не молясь ни о себе, ни о других!».

Воздавая затем честь Телу и Крови Христовым каждением фимиама, священнодействующий молится, чтобы великое это Таинство было причащающим его — в трезвение (бодрствование) души, во оставление грехов, в приобщение Святого Духа, во исполнение (здесь: для достижения) Царства Небесного, в дерзновение к Богу, не в суд или во осуждение; благодарно воспоминает как об участниках в молитве и Таинстве, так и о всех святых, от века благоугодивших Господу: праотцах, отцах, патриархах, пророках, апостолах, проповедниках, евангелистах, мучениках, исповедниках, воздержниках и о всяком духе праведном, в вере скончавшемся; наипаче же («изрядно») о Пресвятей, Пречистой, Преподобнейшей, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве (вечно Пребывающей Девой) Марии». Церковь ублажает Ее достойными хвалами, величая: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим...».

Архиерей, вспомянув также Крестителя Господня Иоанна, святых и славных апостолов, святого, его же память совершается, и всех святых, чтобы молитвами их посетил нас Господь, — молится о всех усопших в надежде Воскресения живота Вечного, чтобы Господь упокоил их, идеже присещает (там, где присутствует, пребывает) свет лица Его; молится за власти духовные и мирские, за Церковь, за всех христиан живых и даже за всю вселенную; ибо точно на всю вселенную простирается сила и действие Жертвы Христовой, — молится особенно, чтобы все едиными устами и единым сердцем славил и воспевал Пречестное и Великолепое (Блистающее красотой, Великолепное) имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков.

Наконец, Владыка заключает свою молитву великими словами: «И да будут милости Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами», осеняя при этом крестовидно обеими руками предстоящих и отвечающих ему:

«И со духом твоим».

Выходит из алтаря диакон и повторяет прежние духовные, высокие молитвы, но присоединяет к ним в начале прошение о том, «чтобы Господь, приняв Святые принесенные Ему Дары в Пренебесный и Мысленный Свой Жертвенник, возниспослал нам Божественную Свою благодать и Дар Святого Духа»; а в конце говорит: «Соединение веры и причастие Святого Духа испросивше, сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».

Между тем святитель глаголет молитву: «Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче, и просим, и молим, и мили ся деем (с сокрушением молимся, просим о заступлении, о милости): сподоби нас причаститься Небесных Твоих и Страшных Тайн, сея Священныя и Духовныя Трапезы, с чистою совестью, во оставление грехов, в прощение согрешений, во общение Духа Святого, в наследие Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение».

В заключение этой молитвы взывает: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смести призывати Тебе, Небеснаго Бога Отца, и глаголати». В ответ на это *людие* поют Богоугоднейшую из всех молитв — собственно молитву Господню: «Отче наш...». Тайно молятся этой молитвой и все сослужащие и сам архиерей, в заключение ее возглашающий: «Яко Твое есть Царство, и сила, и слава Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков». Лик: «Аминь».

Приготовившимся таким образом ко Святому Причащению и присутствующим при совершении Богослужения архиерей преподает: «Мир всем», благословляет их обеими руками и в ответ от них слышит: «И духови твоему».

Святитель присовокупляет еще две тайных молитвы: одну о всех преклонивших, по возглашению диакона, свои главы, которую заключает возгласом: «Благодатию и щедротами...», а другую о том, чтобы Господь внял нам (услышал нас) от Святого Жилища Своего, пришел и освятит нас и сподобил Державной Своей рукой преподать Пречистое Тело и Честную Кровь Свою нам и всем людям.

Наконец, с привлекающим внимание словом «Вонмем», святилище — алтарь закрывается завесой, для причащения священнослужащих. В эту минуту архиерей, подняв с диска Тело Христово, возносит Его горе, возглашая торжественно: «Святая святым», — чем дает понять, насколько святым нужно быть для принятия этой Святыни, а лик смиренно отвечает ему: «Един Свят, Един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь».

Церковь поет «причастный стих»; архиерей, причастившись сам, по обычаю причащает в алтаре и сослужащих, которые для принятия Тела Христова подходят к архиерею с левой стороны, а для принятия Крови Христовой — с правой. Поистине эта умирительная картина трогательно напоминает последнюю Вечерю Христову с Его учениками. А. Н. Муравьев, вероятно по опыту, говорит, что нельзя ее видеть без слез и сердечного сокрушения.

После причащения священнослужителей Царские врата вновь отверзаются. Устами диакона как бы Сам Спаситель призывает всех верных на Свою Трапезу: «Со страхом Божиим и верою приступите!». Церковь радостно восклицает: «Благословен грядый во имя Господне! Бог Господь и явился нам!». После Причащения верующих она поет трогательную песнь: «Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небеснаго, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице поклоняемся, Та бо нас спасла есть».

Затем еще однажды являются народу Святые Дары в Царских вратах и тотчас скрываются от церкви и поставляются на жертвеннике. При этом священнодействующий воспоминает последнее явление Христа апостолам и Его Вознесение на Небо; и, как бы удаляясь за Христом на Небеса, он произносит у Престола: «Благословен Бог наш...», так что церковь это не слышит, а только конец славословия произносится вслух в Царских вратах: «...всегда, ныне и присно, и во веки веков»; ибо Господь обещал быть с нами во веки.

После краткой — благодарственной за Причащение и с испрашиванием совершенного, святого, мирного и безгрешного всего дня — ектений и заамвонной молитвы, архиерей еще раз благословляет предстоящих и делает им отпуст (то есть «отпускает» людей — благословляет им выход из храма) (см. III и IV «Письма о Богослужении...» А. Н. Муравьева).

Таково страшное (внушающее благоговение, величественное, чрезвычайное, удивительное) совершение Страшных Тайн Христовых! Понятие о них нелишним считаем присоединить к сему.

Евхаристическая жертва

Размышляя о Святейшей Евхаристии, напомним кратко догматическое учение о ее существе.

Нет сомнения, что Святейшая Евхаристия при том только условии может примирить нас с Богом, если в ней под видом Хлеба и Вина присутствует Сам Господь Иисус Христос, Единственный Ходатай и Примиритель человеческого рода с Небесным правосудием; если, далее, Он присутствует в Евхаристии не только для того, чтобы подаваться в снедь верным, но вместе с тем и для того, чтобы приноситься за них в Жертву Богу, так как без жертвы, по учению Апостола, невозможно примирение с Богом (Евр. 9, 22); если сверх того, Евхаристия, будучи Жертвой за нас Единородного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, есть вместе с тем жертва Богу и с нашей стороны, ибо когда она не наша, то и не может примирить нас с правдой Божией; если, наконец, Евхаристия находится в ближайшем, теснейшем отношении к Голгофской Жертве, кроме которой нет и не может быть иной жертвы, довлеющей к удовлетворению (достаточной для удовлетворения) Бесконечного правосудия за грехи наши.

Таким образом, говоря о существе Евхаристии, напомним себе, что:

а) в Евхаристии действительно присутствует Сам Господь Иисус Христос; б) она есть Истинная Действительная Жертва за нас Единородного Сына Божия Богу Отцу; в) она есть и наша собственная жертва; г) она состоит в теснейшей связи с Жертвой Крестной.

Учение о Божественном установлении Евхаристии будет служить вступлением к размышлению о вышеуказанных предметах, а учение о том, каким образом мы должны участвовать в Евхаристической Жертве, чтобы она могла служить действительным средством к примирению нас с Богом, заключит размышление о ее существе.

Божественное установление Евхаристии

Святейшая Евхаристия имеет происхождение Божественное — она установлена Самим Господом нашим Иисусом Христом. Об этом свидетельствуют: а) история обетования о ней Господа Иисуса Христа — Ин., гл. 6; б) история самого ее установления, которую передают Евангелисты — Матфей: 26, 26—28, Марк: 14, 22—24, Лука: 22, 16—20 и Апостол Павел: 1 Кор. 11, 23—25.

Присутствие Господа Иисуса Христа в Евхаристии

В учении о присутствии Господа Иисуса Христа в Евхаристии нужно различать: а) действительность и б) образ этого присутствия.

а) Православная Церковь верует, что Господь Иисус Христос действительно присутствует в Евхаристии.

Эта истина имеет неопровержимые основания: в *Священном Писании* — это все вышеуказанные места из Евангелистов и Апостола Павла, которые нужно понимать не в переносном, а в прямом, буквальном смысле; в *Священном Предании* — к нему относится учение не только Отцов Церкви о присутствии Господа Иисуса Христа в Евхаристии, например, святых: Игнатия Богоносца, †ок. 107 (Послание к Смирнякам, 7), Иустина Философа, †ок. 166 (Апология 1, гл. 26), Иринея Лионского, †ок. 202 (Против ересей, кн. 4, гл. 18, 4 и 5), Кирилла Иерусалимского, †386 (Тайноводственные поучения, 4, 1, 2, 3, 6), Иоанна Златоуста, †407 (Беседы на Евангелие от Матфея, 82), Иоанна Дамаскина, †ок. 780 (Точное изложение

веры, кн. 4, гл. 13), но и целых Соборов — Первого, Никейского — 325 г., Третьего, Ефесского — 431 г., и Седьмого, Никейского Второго — 787 г.

Все эти свидетельства приведены в Беседах о Таинствах, епископа Евсевия, с. 154—164.

Следовательно, мнение древних еретиков докетов (I век) и реформатов (Виклифа, †1384; Цвингли, †1531; Кальвина, †1564), и особенно новых, которые учат, что Хлеб и Вино и по освящении остаются простым хлебом и вином и служат только символами Тела и Крови Христовой, — есть заблуждение.

б) Господь Иисус Христос присутствует в Евхаристии не так, как будто бы только проникает (по ошибочному учению лютеран) Хлеб и Вино, остающиеся неизменными, и только пребывает в них, с ними, под ними (по-латыни *in, sub, sub pane*); но так, что Хлеб и Вино прелагаются, пресуществляются, претворяются в Самое Тело и в Самую Кровь Его (Православное исповедание веры, ч. 1, ответ на 56-й вопрос; Послание Восточных Патриархов о вере).

В подтверждение этой истины могут быть приведены: опять же — вышеуказанные места из Священного Писания, где прямо и ясно Самый Хлеб называется Телом Христовым, Самое Вино — Кровию Христовою, а Хлеб и Вино не иначе могут соделаться Телом и Кровию Христовою, как только через предложение, претворение; различные чинопоследования Литургии — так как во всех древних Литургиях, употребляющихся не только в Православной Церкви, но и у несториан, евтихиан, сирийцев, яковитов и в Церкви Римской, есть молитва к Богу Отцу перед освящением Даров о том, чтобы Он преложил, пременил, претворил Духом Святым Хлеб — в Честное Тело Христа, а Вино — в Честную Кровь Его; учение Отцов и учителей Церкви — святых Кирилла Иерусалимского (Тайноводственные поучения 1, 7), Григория Нисского,

†ок. 395 (Катих.* 37), Амвросия Медиоланского, †397 (Книга о Таинствах), Иоанна Дамаскина (Точное изложение веры, кн. 4, гл. 13), блаженного Феодорита Киррского, †ок. 466 (Толкование на Евангелие от Иоанна, 6). Указанные свидетельства Отцов Церкви см. в Беседах о Таинствах, епископа Евсевия, с. 169—173.

Из учения о присутствии Господа Иисуса Христа в Евхаристии вытекают следующие заключения, которые еще яснее определяют образ присутствия Его в этом Таинстве.

Первое: Хлеб и Вино в Евхаристии претворяются собственно в Тело и Кровь Господа. Но так как с Его Телом и Кровию нераздельно соединена Его Душа, а с Его Человечеством нераздельно — ипостасно соединено Его Божество, то ясно, что Господь Иисус Христос присутствует в Евхаристии не одним только Телом Своим и Кровию, но всем Существом, то есть и Душой Своей, и Самим Божеством (см. Ин. 6, 56, 57; Точное изложение веры, кн. 4, гл. 13; Беседы о Таинствах, епископа Евсевия, с. 175).

Второе: Хотя Освященные Дары раздробляются и разделяются в Евхаристии, но собственно это бывает только с видами (то есть с веществом) Хлеба и Вина, а не с Самым Телом, Которое вместе с Кровию, как Тело Духовное, Прославленное, Бессмертное, *тому уже не умирает* (Рим. 6, 9; I Кор. 15, 43, 44), следовательно, не может подвергаться разделению, разрушению, раздроблению. Отсюда, в каждой части Освященных Даров находится не одна какая-либо часть Тела и Крови Господней, но Тело Христово всегда и во всем целое, и в каждой части — до малейшей частицы — присутствует весь Христос по Существому Своему, то есть с Душой и Божеством, Совершенный Бог и Совершенный Человек (см. Послание Восточных Патриархов о вере, член 17-й; слова в чине Литургии при раздроблении Агнца).

Третье: Равным образом, хотя Евхаристия совершалась и совершается в бесчисленных местах вселенной, но Тело Христово всегда и везде Одно, и Кровь Христова всегда и везде Одна, и повсюду в Евхаристии присутствует Один и Тот же Христос, Совершенный Бог и Совершенный Человек (Послание Восточных Патриархов о вере, член 17-й).

Четвертое: Так как Хлеб и Вино через Таинственное освящение прелагаются в Истинное Тело и Кровь Господа Иисуса Христа, то значит со времени освящения Даров Он присутствует в Евхаристии постоянно, то есть присутствует не только при самом употреблении и принятии

* Это должна быть ссылка на «Большое огласительное (катихизическое) слово». — Ред.

Таинства верующими, но и до употребления и после употребления (там же).

Пятое: Наконец, так как Хлеб и Вино прелагаются в Евхаристии в Истинную Плоть и в Истинную Кровь Господа Иисуса Христа, которым Он всегда присущ по Божеству Своему, то ясно, что Освященным Дарам следует воздавать поклонение Боголепное (приличное Богу)

(Православное Исповедание веры, ч. 1, ответы на вопросы 56, 107; святой Иоанн Златоуст, Толкование на 1-е Послание к Коринфянам, беседа 25, 5).

Святая Евхаристия есть Истинная за нас Жертва Искупителя нашего Богу Отцу

Православная Церковь, исповедуя в Евхаристии Высочайшее Таинство, верует также и исповедует, вопреки мнениям протестантов, что Евхаристия есть вместе Истинная, Действительная Жертва за нас Правосудию Божию Господа нашего Иисуса Христа.

Эта истина имеет непоколебимые основания в *Священном Писании*, — это пророчество Пророка Малахии о Евхаристии, как Жертве (Мал. 1, 10—11), — слово Господа Иисуса Христа из Его беседы об установлении Евхаристии (Ин. 6, 57), — Его же слова при самом установлении Евхаристии (Мф. 26, 26—28), — слова Апостола Павла, сказанные им в предостережение коринфянам от участия в идоложертвенных (1 Кор. 10, 18—21); в *Священном Предании* к нему относятся — исповедание Церкви, что в Евхаристии она приносит Богу *Жертву о всех и за вся* (Чинопоследование Литургии), — свидетельства Вселенских Соборов — Никейского Первого, Ефесского, Никейского Второго, — свидетельства Отцов и учителей Церкви святых Игнатия Богоносца, Иустина Философа, Киприана Карфагенского (†258), Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина. Все эти свидетельства см. в Беседах о Таинствах, епископа Евсевия, с. 162—164; 190—194.

Святая Евхаристия, будучи Жертвой за нас Единородного Сына Божия, есть вместе с тем жертва Богу Отцу и с нашей стороны

Для подтверждения этой истины должно быть обращено внимание преимущественно на то, что Евхаристия — видимым образом — приносится нами самими, руками из нашей среды избранных и освященных мужей, приносится нашей верой и любовью, соединяющими нас с Господом Иисусом Христом.

Отношение Евхаристической Жертвы к Жертве Крестной

1. Что общего между Крестной и Евхаристической Жертвой Господа Иисуса Христа?

Общим между Жертвой, приносимой Богу в Святой Евхаристии, и Жертвой Голгофской является то, что они суть одно в существе своем. И ныне на жертвенниках Церкви приносится та же самая Пречистая Плоть Господа, Которая страдала на Кресте, та же самая Пречистая Кровь Его, Которая пролита за нас на Голгофе.

Евхаристическая Жертва священнодействуется невидимо тем же Вечным Первосвященником Господом Иисусом Христом, Который совершил и Жертвоприношение Крестное (см. молитву священника на Херувимской песни).

2. Чем они отличаются одна от другой?

Различие между Крестной Жертвой и Жертвой Евхаристической следующее.

На Кресте Господь Иисус Христос видимо принес в Жертву Богу Отцу Свое Пречистое Тело и Свою Пречистую Кровь, а в Евхаристии Он приносит их невидимо и только для нас под видом Хлеба и Вина.

Там Он непосредственно Сам принес Искупительное Жертвоприношение: здесь, хотя и невидимо, также Сам совершает его, но — видимо, посредством пастырей Церкви.

Там Жертва принесена через действительное заколение Агнца Божия; здесь она совершается через Таинственное Преложение Духом Святым Хлеба и Вина в Тело и Кровь Христовы, без страданий, без пролития крови, без смерти.

На Кресте Господь Иисус Христос однажды принес Себя в Жертву для искупления мира; а Евхаристическое жертвоприношение со времени его установления совершалось, совершается и будет совершаться до скончания мира (1 Кор. 11, 25, 26).

3. Каковы же свойства Жертвы Евхаристической?

Будучи, в существе своем, единой с Крестной Жертвой, Евхаристическая Жертва есть *Умилостивительная* Жертва за всех живущих и умерших в вере и покаянии (Послание Восточных Патриархов о вере, член 17-й, см. 1 Ин. 1, 7; Евр. 9, 13, 14; Гал. 3, 13; Еф. 2, 13, 18; Кол. 1, 19—21; 1 Ин. 2, 2; Лк. 22, 19, 20).

Имея силу умилостивлять в отношении нас Бога, она — очевидно — сильна испрашивать нам у Бога и разного рода блага; следовательно, будучи Жертвой Умилостивительной, она есть вместе с тем Жертва *Просительная, Ходатайственная*. Поэтому Церковь, совершая Евхаристию, молит Бога не только о помиловании нас за грехи, но также испрашивает у Него и разнообразные дары, духовные и телесные, благопотребные (благовременные, необходимые) для человека в жизни.

Далее, Святая Евхаристия есть Жертва Хвалебная и Благодарственная потому, что она едина с Голгофской Жертвой, которая, как единственный источник всех благодетий Божиих к нам, грешным, есть для нас предмет вечной хвалы и благодарения Господу. Поэтому за Литургией Василия Великого и Иоанна Златоуста, перед освящением Даров, Церковь, вспоминая великие благодетия Божий, прославляет и благодарит Святую Троицу (см. Лк. 22, 19, 20; 1 Кор. 11, 23, 24).

Евхаристическая Жертва есть Жертва Бескровная, Бесстрастная, только Воспоминательная, совершаемая в воспоминание страданий и смерти Божественного Агнца (Лк. 22, 19, 20; см. также Литургию Василия Великого и Литургию Иоанна Златоуста и свидетельства Соборов — Никейского Первого, Ефесского, Никейского Второго, в Беседах о Таинствах, епископа Евсевия, с. 154—160).

Наконец, она есть Жертва Духовная; ибо совершается Духом Святым, действует прежде и более всего на дух и должна соединяться со внутренним духовным жертвоприношением.

Каким образом мы должны участвовать
в Евхаристической Жертве, чтобы она могла примирять нас с правосудием Божиим?

Посредством живой и сердечной веры в умиловительную силу смерти Христовой и в такую же силу Евхаристии.

Посредством благоговейного присутствия за Божественной Литургией.

Посредством Причащения Тела и Крови Христовых.

Наконец, духовно распинаясь и умирая с Господом и для Господа.

После всего сказанного, как же для нас должна быть важна и священна Божественная Литургия, за которой совершается Евхаристическая Жертва; как чисты и совершенны Хлеб и Вино, на которых она совершается; насколько «чище и светлее лучей солнечных» должны быть ее совершители; как святы и дороги самые места — храмы Божий и времена, — где и когда совершается эта служба Божия; как высоко, в нравственно-религиозном отношении, должны быть настроены присутствующие на ней; и как они должны быть внимательны к другим службам — вечерним и утренним, приготовительным к ней!

+++ «Православный церковный календарь» за 1994 год, изд. Московской патриархии (стр. 74 — 112) +
++

/Примечание: Гласные под ударением выделены (при необходимости) полужирным шрифтом/